

Семейные хроники конца 20 века

Автор: Александр Беспровзванный

Часть первая

Время горьких разлук

«Жизнь - это только разлуки и встречи! А может быть только разлуки»
Роберт Рождественский

ПРЕДИСЛОВИЕ к первой части

Когда большая часть хроник уже была готова, я понял, что необходимы некоторые пояснения. Так я пришёл к необходимости написать предисловие. Сначала я хотел его выдержать в шутовском тоне, но тут меня ждала неудача. Происходящие события, в большинстве своём, драматичны, и хотя я не в силах отказать себе в ироничном (а чаще самоироничном) тоне, но несколько важных слов, предваряющих чтение, я постараюсь написать кратко и сдержанно.

Во-первых, не судите меня слишком строго, без тени мужского кокетства искренне заявляю — на роль писателя я не претендую. Да, я учился пять лет, в том числе, на учителя словесности, но сначала зарабатывал на хлеб как специальный, а последние почти 13 лет, как социальный педагог, и на большее не претендую. А потому эти строки предназначены нашим близким друзьям, хорошим знакомым, родным, но главным образом, моим сыновьям и их потомкам. И хотя в скобках написано о хрониках века, речь идёт фактически о пяти годах, другое дело каких.... Надеюсь, что прочитав эти строки, они (представители молодого поколения — прим. ред.) смогут лучше понять нас, наше время, наши поступки и поймут, что мы думаем об этом сегодня.

Во-вторых, два слова о языке повествования. Всё, что я писал, необходимо было кому-то читать, в моём случае первым слушателем и редактором была жена. От неё мне подчас доставалось за рискованные лексические обороты, жаргонные словечки и просторечие. Не спорю, но будучи сам опытным рассказчиком, хотел бы сохранить, по возможности, живую манеру и ироничную интонацию. Признаюсь, с годами всё чаще ловлю себя на том, что говорю буквально голосом отца, в его шутовской манере, в такие моменты мне становится на душе тепло. Ни в коей мере не стесняюсь я и говора моих предков, живших в местечках и говоривших на уникальной смеси суржика, идиша, польского и других языков.

Тем не менее, вырос я в Питере, и именно этот город, его культура стоят для меня на первом месте. Особое место в моём читательском багаже занимает и творчество Вадима Сергеевича Шефнера¹. В данном случае его воспоминания, которые он оставил, главным образом, в книге «Имя для птицы или чаепитие на жёлтой веранде». Вот у кого каждая строчка написана честно и строго по отношению к себе, и на кого бы очень хотелось равняться.

¹ Вадим Сергеевич Шефнер (30 декабря 1914 (12 января 1915), Петроград – 5 января 2002, Санкт-Петербург) – русский советский поэт, прозаик, фантаст. В его прозе выделяют пласты детдомовских и военных рассказов, юмористической и философской фантастики. Многие критики отмечали, что невозможно провести границу между его фантастическим творчеством и творчеством, где фантастический компонент явно не выражен, а также называли его «фантастом в поэзии». Источник: 45parallel.net.

В-третьих, я намеренно почти не писал имён участников событий. Причина проста, не хочу своими личными оценками кого-то обидеть, но в конце записок составлю своего рода список действующих лиц. В самом начале я назвал эти воспоминания семейной хроникой, но думаю, что назвав это записками, я сумею избежать упрёков в самонадеянности. Предвижу я и то, что мне «достанется» за наивность политических оценок описываемых событий. Но задача состояла не в том, чтобы показать «Ах, как я всегда был умён!» Главным было, донести как можно более точно то понимание времени и восприятие событий, какими они были на тот момент.

И наконец, было бы несправедливо не сказать несколько слов о тех, кто почувствовал, что тема Отчизны, малой Родины - неньки Украины и, конечно, России для меня не исчерпана. Это моя жена и её лучшая подруга. Я благодарен им за поддержку, за внимательный, терпеливый взгляд на мою попытку осмыслить прожитые годы.

Я был уверен, что расстался с этой темой навсегда. У меня в планах было написать шуточный рассказ о стройотрядовской жизни, и за эту работу я взялся неожиданно для себя самого, что называется с места в карьер.

Мою предыдущую, дебютную работу — эссе «Десятая казнь», я правил семь лет бесконечное число раз. Оно должно было озвучить мои главные жизненные принципы. Никто не мешал выговориться окончательно и больше не касаться больной темы. Но, видимо, это невозможно, потому что пока жива наша память, волны воспоминаний будут поневоле переносить нас к тем людям, местам и событиям, которые видятся на склоне лет важными и порой неожиданно дорогими.

Спешу успокоить тех, кто неохотно путешествуют в прошлое. В поезде, который повезёт нас в минувшее, спальные места нам не понадобятся. Согласитесь, что конец восьмидесятых - начало девяностых не так уж далеко ушли от нас. Каждый пережил это время по-своему, а значит, нам не понадобятся энциклопедия или её правнучка, модная ныне, википедия. Повторяю, тема большой и малой Родины пустила глубокие корни в моей душе, но не думал, что она может и сегодня меня настолько волновать. Особенно непростой она видится для тех, кто, как и я, родился в стране, название которой теперь уже принадлежит истории.

Да, я родом из СССР! 35 лет своей жизни жил я под кумачовым стягом, развевавшимся над гигантскими просторами моей страны. Своими были для меня: Дальний Восток, где мне довелось жить первые четыре года, и Байкал, который я видел по дороге в Ленинград, где жил потом самые важные годы своей жизни. На момент, когда моя страна стала превращаться из сверхдержавы в нечто непонятное, я успел немало в ней повидать. Почти вся Восточная Украина, Прибалтика, Северный Кавказ, родной Северо-Запад России, почти весь Урал: я ощущал это всё своим, родным и, когда футболисты Киева добыли Суперкубок², а баскетболисты «Жальгириса»³ блистали в Европе, любители живописи всего мира восхищались картинами великого армянина Сарьяна⁴, заслуженная гордость теснила молодую грудную клетку. Это всё моя страна! И так будет вечно.

² 6 октября 1975 года киевское «Динамо» под руководством Валерия Лобановского на международной арене выиграл суперкубок УЕФА, одержав победу над "Баварией" в двухматчевом поединке. Киевское «Динамо» является первым советским клубом, завоевавшим европейский трофей. *Источник:* dic.academic.ru.

³ Самый старый и титулованный литовский баскетбольный клуб, многократный победитель и призёр чемпионатов СССР и Литвы, победитель Евролиги 1999 года. *Источник:* dic.academic.ru.

⁴ Мартирос Сергеевич (Саркисович) Сарьян (28 февраля 1880, Нахичевань-на-Дону — 5 мая 1972, Ереван) — армянский и русский художник, портретист, книжный иллюстратор, театральный оформитель. Основоположник современной армянской живописи. *Источник:* archive.ru.

И, тем не менее, ростки того, что потом разрушило стены этой, казалось, нерушимой крепости, я не мог не замечать. Когда я смотрел по телевизору гениальную литовскую ленту «Никто не хотел умирать»⁵ или украинскую «Белая птица с чёрной отметиной»⁶, то невольно возникало много вопросов, выходящих за рамки официальных ответов. И тут-то, как не сказать Богу спасибо, как я теперь понимаю, за невероятно знающего, любознательного, очень начитанного, при этом очень скромного отца! Моя мама была ему под стать и считала себя ещё большим книголюбом, нежели отец. А он, любивший её до последнего вздоха своей жизни, и не спорил с ней. Но, устройство мира, стран, взгляды на политику и нравственные ориентиры - всё это заложил мой мудрый, добрейший отец. И я, с высоты нынешних лет ещё лучше это понимаю, что почти всем, чего добился в жизни, обязан ему и благодарно склоняю голову в почтении, уважении и любви. Именно он объяснял мне, что порой вынуждало людей быть против нашей Страны и нашей Советской власти. Вы не ослышались, именно нашей, ибо он, как и многие шестидесятники считал эту власть нашей, в основе своей справедливой. Не теряя рассудка, понимая суть происходящих событий, хорошо зная историю, он ещё болезненнее принимал близко к сердцу всё, что мешало двигаться нашей Родине вперёд. Он же был первым, кто защищал меня и учил защищаться от вечного спутника жизни моего «рода-племени» - антисемитизма. Мои мама и отец принадлежат к еврейскому народу, и никогда не чураясь этого, они учили меня гордо держать мою еврейскую, носатую голову. От них я учился, по возможности, достойно переносить моральные (а в драках и физические) неизбежные тяготы принадлежности к моему народу. Пишу «возможности», потому что не обиженный от природы физической силой, я долго и тяжело учился защищать свою честь кулаками. Этим я отличался от отца, которому переданся и боевой дух его деда и отчаянная храбрость его мамы. Но, эта особая история, которую я, может быть когда-то и поведаю. А пока, как пели Beatles: Back in the USSR!

У нас дома не приветствовали отъезд наших соплеменников в Израиль, США и т.д. Но, когда мы ехали на работу в автобусах и трамваях, после увиденной накануне телепередачи о «ловцах человеческих душ» (так называли тех, кто призывал евреев возвращаться на историческую Родину), то непременно слышали «что мало нас били» или «а я бы их всех выгнала, а назад не пускала». А ещё они обсуждали тех из моего народа, кто добился заслуженной славы, будь то всенародно любимый Аркадий Райкин или пленительная до сих пор красавица Элина Быстрицкая. Как результат, окружающий народ с подачи КГБ, охотно подхватывал или сам распускал слухи об отъезде в Израиль (ударение было на последнем слоге) всех возможных знаменитостей. Мы не понаслышке знали о том, что приём в престижные ВУЗы или оборонные предприятия был для евреев закрыт. Нам почти в открытую не доверяли. Типичная шуточка тех лет, что такое «Чудо-юдо?» Ответ: «Это юде в ЛГУ!» «А что ты хотел, сегодня ты живёшь и учишься здесь, а завтра ты можешь оказаться в далёком и враждебном «нашей» стране «Там» и что тогда мне делать?» Вот она логика любого завкадрами того времени. И ты можешь голову положить на плаху за Родину, но это ранящее душу недоверие непреодолимо.

И вот я уже слышу в родном с детства, украинском Житомире, что моя нянька Украина вполне может жить сама, а в Киеве мне рассказывают, что там и русским подчас неуютно. И их тоже, как и нас не шибко жалуют. Мои однокурсники из Литвы просят меня в колхозе, где я был бригадиром, отпустить их пораньше, чтобы съездить домой. Я отпускаю едкую

⁵ «Никто не хотел умирать» (лит. *Niekas nenorėjo mirti*) — художественный кинофильм режиссёра Витаутаса Жалакявичюса, снятый на Литовской киностудии в 1965 году (Литовская ССР, СССР). *Источник:* ru.wikipedia.org.

⁶ «Белая птица с чёрной отметиной» (укр. *Білий птах з чорною ознакою*) — широкоформатный художественный фильм режиссёра Юрия Ильенко. *Источник:* ru.wikipedia.org.

шуточку: «Что, винтовочки везёте, в председателей колхозов пострелять?» Ответ следует мгновенно и довольно смело: «Пары винтовок не хватит, чтобы удовлетворить всех желающих, Саша!» Вот так! А ещё одна однокурсница, из Латвии открыто называет нас оккупантами. А когда я её спрашиваю на танцевальном вечере, правда ли это, она с вызовом отвечает: «Да, Саша, вы оккупанты!» Я не теряюсь и говорю ей искренне: «Виечка, тогда возьми меня в плен?» Мы оба смеёмся. Хороши шуточки! А ближайший друг из соседней группы после поездки в Казань в 76-м году объясняет, что только отсутствие внешней границы мешает Татарии стать союзной, а не автономной (какой она тогда была) республикой в составе страны. А там, пояснял он, есть ведь и право выхода из СССР. А на мои поверхностные реплики «де, куда им без СССР! Кишка тонка!» Он спокойно рассказывает о том могучем потенциале этой республики и её амбициях, о которых все узнают только лет через пятнадцать!

Как видите, ещё в мирные, дремлющие времена застоя, подспудно кипели котлы недовольства Status quo, угрожая взорвать корабль с гордым названием СССР. Но, капитаны корабля не слушали голосов кочегаров, они предпочитали купание в аплодисментах и славословиях, готовя нам, после их ухода в мир иной, расхлёбывать до сих пор последствия этого жуткого крушения. Но, сваливать вину на них одних я бы не стал, потому что теперь осознал, что и народ несёт ответственность за то, что перекладывает свою инициативу и ответственность на руководство страны. А мы тут и ни при чём? Шалишь, брат! И ты, и я, и мы конкретно виноваты в том, что произошло. Мои друзья и родные возражают: «Что ты один мог сделать?» Мой ответ прост - больше думать и прислушиваться к мнению родителей. И теперь я сам пью мной же сваренный горький напиток разлуки! И видимо, одно из важнейших качеств, которые я приобрел за прошедшие четверть века - это умение смелее думать, аргументировано отстаивать свою точку зрения и держать ответ за содеянное.

События середины и конца восьмидесятых не были для меня неожиданностью. В нашем доме жили верные коммунисты, но не идиоты! Я получил нормальное патриотическое воспитание, но не был слепым фанатиком и был приучен искать источники информации противоположные официальным. Мне не запрещали слушать радиостанции из-за рубежа, которые я сам называл в шутку «голоса друзей», по аналогии с музыкальным фестивалем для стран народной демократии и СССР. Но, меня учили, слушая, не болтать, не передавать дальше. Кроме того, сразу после школы произошла в моей жизни важная встреча. Не пройдя по конкурсу в институт (интриги против евреев тут не причём - учиться надо было лучше!) из-за недобранных баллов, я пошёл работать грузчиком, где познакомился с Сергеем. Этот юноша 21 года от роду получил условный срок 2 года, за попытку перейти границу с Финляндией. Натерпевшись в тюрьме КГБ, на бывшей ул. Каляева, он попал потом в Кресты на пересылку и, наконец, в вологодский лагерь в г. Грязовцы. Вот названьице то! Как он любил Советскую власть, можно только представить. В наших жарких диспутах он громил мои романтически-идеалистические представления о справедливости. Основной доход его был от фарцовки, и поэтому он черпал недоступную нам информацию. К тому же, он был из семьи активных баптистов и сам был прихожанином храма, примыкал к группе ребят, которые имели такое же мнение о политике и порядках в стране. Это он был первым, кто заставил меня «проглотить» «Войну и Мир», пристыдив мои школярские знания, он дал мне Библию в руки и был её первым толкователем, его аргументы я позже услышал в 85-м из уст партийного руководства, и они не стали для меня откровением, а, следовательно, не напугали меня. Но я по-прежнему оставался верным идеалам Октября 17-го, которые надо было только отчистить от сталинской ржавчины и ракушек, а там можно и дальше на всех парах в Социализм! Помню один разговор в бытность мою пионервожатым с одной сверстницей, абсолютно не принимавшей советской власти. Я ей сказал, что мы, «левые», тоже не в восторге от действительности, но хотим прийти к изменениям «с левого

фланга». Мы считали, что пятьдесят пять томов ленинского наследия содержат рецепты на все случаи жизни, и, ожидая с нетерпением перемен, уже в 1980-м дружно горланили «Вот, новый поворот!» И вот он пришёл незабываемый 85-год!

А буквально через пару месяцев на горизонте нашей страны блеснул луч надежды! Мы именно такого ждали! Не молодой, но и не старый! Симпатичный и обаятельный, энергичный и убедительный. Наверное, кто-то подумает, зная, что затем произошло, что я сейчас начну брызгать слюной и посылать проклятия в адрес бывшего кумира. И ведь вроде бы есть за что! Взять бы его и в миллионный раз подкусить, свалить на него всю вину за разбитые судьбы, как это делают многие его бывшие яростные поклонники. Есть у нас такая народная забава, пройти мимо клетки со старым львом и уколоть его побольнее острой палкой. Я не стану! Каков поп - такой приход, как любил говорить мой мудрый батя! И он не может быть лучше или хуже нас. Но, одно я чувствую точно, спустя много лет, с этой новой эпохой, пиком которой стал распад СССР, в мою жизнь пришло *время горьких разлук*.

Должен сказать, что сейчас кто только не цитирует знаменитое китайское проклятие «Чтоб тебе довелось жить в эпоху больших перемен!» Так вот, в моей памяти те годы были не только сменой вех, они привнесли в жизнь великие события и горькие нотки. Разлуки были большие и малые, одни приходили тихо и незаметно, и потом мучили, подобно зубной боли, то отпуская, то снова сверля мозг и сердце. Другие били с размаху, валили с ног своей неизбежностью и были страшны тем, что редко приходили по-одиночке.

События, о которых мне хочется рассказать, я встретил в возрасте от 30-ти до 35-ти лет. Это время, когда кончается юность и начинается ранняя молодость. В 1986-м мне исполнилось 30 лет и мне предстояло жить в этом времени. Но так оно и вышло, что пишу я всего-то о пяти годах. Но, о каких, заметьте! Сейчас это тоже надо признать, что рука об руку ходили в это время и победы, и поражения. И вместе были они хорошей школой жизни. Эти строки я оставляю не абстрактным читателям. Я пишу тем, кого люблю, кому может это сослужит добрую службу, предостережёт от шагов, за которые может быть впоследствии стыдно.

1986-й

Первым ударом, пришедшимся на это время, стал Чернобыль. Нашу семью эта трагедия ударила в полную силу. Мои родители приехали в Киев погостить, кажется 2-го мая, не имея никакой информации. Должен заметить, что эта авария ударила не только по родной Украине и по Белоруссии, но и разбросала свои ядовитые следы по всей Европе. Поначалу власти хотели привычно скрыть масштаб, но на этот раз не вышло, и они были вынуждены заговорить откровеннее обычного. Весь мир удивился, ахнул, ну а наш лидер объявил политику гласности.

А пока дяде стоило огромных усилий вернуть родителей в Ленинград. Потом киевляне жили у нас почти месяц, а вот житомирскую родню не получилось выручить. Мне больно об этом честно писать. Двоюродная сестра мамы приехала с дочкой подростком и хотела оставить её нам. Напуганная девочка сидела, и видно было, что разлучаться с мамой ей не хочется. А моя бабушка, у которой она должна была жить, сама уже была смертельно больна. Я предложил свою помощь, но как-то осторожно, если не сказать трусовато, и они обе решили вернуться домой. Я уже пожилой человек и не могу позволить роскошь врать самому себе, я повёл себя как подросток, прячущийся за спины взрослых, а они уехали назад в это атомное пекло.

С 5-ти до 16-ти лет я ездил каждый год, а порой и не один раз в году, на каникулы к бабушке в мой родной город. В этих поездках я черпал силы, как это делал Антей, прикасаясь к его

матери, богине земли Гее. Позже, когда бабушка оттуда уехала, её средняя сестра входила в моё положение и пускала к себе недельки на две-три. И вот я оказался отрезанным ломтём. Чернобыль мне отомстил - страх перед радиацией отрезал мне на долгие 25 лет дорогу в родные места, и я физически ощущал боль разлуки с моей малой Родиной.

Позже мы всё-таки узнали, что страхи наши оказались не напрасны, но об этом я напишу позже.

Сейчас сестричка стала уже сама мамой двух детей, а её мама с радостью встретила меня и мою семью. Жаль, что мы были к тому времени уже гражданами разных стран. Стыд не даёт мне покоя до сих пор.

Оборачиваясь назад, меня не покидает чувство, что именно с этого жуткого события поезд моей страны понёсся куда-то совсем не туда. Как будто какой-то невидимый злой и пьяный стрелочник повернул рычаг, и мы полетели кувырком... Но, куда? Об этом следующие хроники.

1987-й

В этом году нам предстояло отметить 70-летие Великого Октября! Но от бывшего сонно-триумфального транса съездов КПСС и помина не осталось. Наш генсек, заваливал американцев предложениями о сокращении ракет, а приезжая в Нью-Йорк, останавливал кортеж по своему хотению и разговаривал с жителями. Бывшему актёру Рейгану нечем было крыть. Мир смотрел на нас с удивлением. Кажется, впервые за многие годы, за исключением великого 45-го, мир не боялся нас, более того, открывал СССР через телемосты, слушал «Красную волну» и носил футболки с нашей символикой.

И в самой разбуженной супердержаве происходили поразительные сдвиги: люди вырывала друг у друга «Огонёк» и другие журналы, где печатались антисталинские статьи, снимались с полок фильмы, готовились к печати запрещённые ранее книги. Теперь оставалось только прильнуть к чистому незамутнённому живительному источнику великой ленинской мысли, и всё покатится с невиданной скоростью.

Только вот экономический Санча Панса не поспевал за политическим Дон Кихотом, и вот уже прилетел первый вестник неудач на этом направлении - дефицит сахара. Да и без водки бюджет трещал по швам, а работяги крыли правительство, почём зря. Иногда я злорадно думал: «Вот так вам и надо! Нас интеллигенцию в партию ни-ни, а рабочих - в первую очередь». Об этом мне цинично и безапелляционно заявил один инструктор райкома. И опять на моём пути встретился, как в первый год работы, человек сумевший раскрыть глаза на то, «что было, что будет и чем сердце успокоиться».

Я рос в семье без братьев и сестёр, но мне выпало счастье иметь тётю, которая была мне ближе и дороже всех родных людей на свете. Она была лишь на два года старше меня, и мы первые четыре года были неразлучны, пока демобилизация не разбросала наших родителей по разным градам и весям. Но мы встречались на каникулах: вместе проказничали, случались и отчаянные бои между нами, но и защищали друг друга мы преданно. Это был мой компас и пример: медалистка, кмс по спортивной гимнастике, студентка химфака киевского Универа, красавица! Жаль, но личная жизнь её не очень сложилась. Рано выскочив замуж, рано родив сына, она поспешила разойтись с мужем. Второй муж не ладил с пасынком, и она решила вернуться к первому. Сыну-неслуху явно был нужен отец. Последний мне и поведал эту новость во время командировки в Ленинград, к тому времени это был возмужавший, серьёзный мужчина, мало напоминавший того любимца судьбы и избалованного профессорского сыночка с дачей, волгой и катером. Но ведь надо же было случиться, что он попал в один самолёт с родителями второго мужа, и они все разбились под Мозырем. Я, конечно, переживал эту потерю, но у меня была через месяц свадьба, а

счастливый человек часто эгоистичен. Тётя была подавлена, а я не знал, чем ей помочь. Она мне рассказала о том, как мужественно держал удар отец первого мужа, хотя эта была не первая потеря, восемь лет тому назад его красавица-жена не перенесла развод сына. Но он спортсмен, учёный и обаятельный человек не позволял себе распускаться и сохранял достоинство.

Я попал к нему на приём, когда пять лет меня мучили боли в сердце, он решил проблему за один прием. И вот он прилетел в Ленинград, и я поехал встречать его в Пулково. Если бы я знал, что мне готовит эта встреча, я бы не ехал, а бежал к нему, но всё по порядку.....

Я чуть было не упустил гостя, ожидая его на выдаче багажа, но он сам нашёл меня, держа в руках лёгкий портфельчик. Мама дала мне инструкцию, везти гостя к нам. Дорога предстояла неблизкая, и её надо было скоротать беседой. Но о чём говорить со светилой, врачом европейского уровня, консультантом медиков киевского «Динамо», позже лечившим пожарных Чернобыля? Беседа, тем не менее, потекла на редкость быстро и просто, когда я спросил, откуда у него житомирские корни. Он удивился, но охотно рассказал о родных, которые жили на улице Довженко и были священниками. Увидев удивление и интерес с моей стороны, он не без гордости рассказал о петербургских корнях своего рода. Здесь его дворянские предки основали гимназию, работали в ней первыми педагогами и директорами. И хотя его фамилия звучала на польский манер, он гордо, но без фанаберии отнёс себя к украинцам. Мы сползли на опасную тему, от тёти я слышал порой, что он и сын — «щирые украинцы» и нашего брата недолюбливают. Но мой собеседник спокойно сказал, что он хотел, чтобы украинцы ходили в свои школы, русские в свои, а евреи в свои. Я тут же отыскал словечко апартеид, а у него загорелись глаза, и он ответил буквально «я за то, чтобы в границах одной страны, каждый мог развиваться, не забывая своей культуры, своего языка и традиций». Когда я ему возразил, что ленинский интернационализм мне ближе, потому что не давал в обиду мой народ, и я отвергаю узкий национализм. Он возразил, что патриот любит свою страну, а националист ненавидит чужую. И потом спросил меня: «Неужели ты веришь партии, Ленину и коммунистам?»

Мой ответ ему понравился. Я сказал о большевиках, спасших государственность России, о моей вере в необходимость равенства людей и в потенциал ленинского учения, но отказывал КПСС в доверии. Наш диспут затягивал меня, но, кажется, и он не скучал со мной, глаза его горели, видно, что это была его стихия. И он стал мне задавать вопрос за вопросом: «Саша, почему ты думаешь, что большевики спасли страну? Ты думаешь, она бы без них распалась»? Я: «А кто бы её спас»? Он: «Народ, Саша, народ! Нельзя и оскорбительно не верить в силы народа». Я: «А Ленин? Я не попутай и в рассказы Зоценко о детстве вождя не верю, но разве его идеи в основе ошибочны»? Он: «Саша, он великий тактик, великий демагог, мастер политического лозунга. Посмотри историю КПСС и революции. Это сплошные объединения и размежевания, Союзы «за» и коалиции «против», а его наследие, - продолжал он - справедливо для своего времени, а мы живём в конце 20-го века. Надо брать всё лучшее у капиталистов и у нашего строя!» Я: «Это конвергенция, но я мало верю в политическую эклектику. К тому же, коммунисты сыграли главную роль в 45-м!»

И тогда мы перешли на тему войны, и мне довелось узнать такое, что никогда не прочёл бы ни в одной книжке. Свои 16-ть лет он встретил в оккупированном немцами Киеве. Через некоторое время они стали угонять молодежь в Германию, и он прятался у одного священника под Киевом. Вместе с ним тот прятал от верной смерти юношу-еврея, верность дружбы с которым профессор пронёс через всю жизнь. Вот тебе и антисемит! В Киев ездить он боялся и не без основания.

В первый раз он попался на приманку об открытии для украинской молодёжи подготовительного отделения в мединститут. В центре города он попал в облаву, документов не было, и его повели в Бабий Яр, а там... Но по дороге он умудрился бежать. А потом снова попал в город и увидел афиши о матче киевской команды «Старт» против сборной

«Люфтваффе». В футбол он был влюблён, и ноги сами понесли его на стадион. Так он оказался на знаменитом матче смерти⁷. Динамовцы Киева, а это были они, не дали себя запугать и выиграли. За это футболистов казнили, по его мнению, потому что они не выполнили приказ «проиграть». И расстреляли пять человек, так было условлено.

Точно так же каратели спалили дома в деревне, где он прятался. «Вот немцы решили, что сожгут за партизанские налёты энное число дворов, - рассказывал он - и виноватых не искали». После матча он опять попал в облаву, и опять Голгофа Бабьего Яра предстала перед глазами юноши смертельной реальностью. Но на этот раз полицией неожиданно пожалел его и, незаметно отпустив, подарил ему жизнь.

Мне становилось понятна природа негибкости этого франтовато одетого, красивого для своих лет мужчины. Но и в его голосе всё меньше звучали менторские и всё чаще проскакивали доверительные, уважительные и, о чудо (!), отцовские нотки. Мы вышли на Невском проспекте и после недолгих рассуждений решили дойти до «Горьковской», чтобы полюбоваться нетленной красой Питера! А потом решили, что спешить некуда, и пошли до «Петроградской». Мы говорили буквально обо всём: он раскрыл мне тайну, что радиоактивные продукты распределяются по всему СССР, и нам от этой беды не скрыться. И лишь один раз прозвучали строго отчуждённые интонации, когда он сказал, что для переживших Чернобыль, это менее опасно, чем следующему потомству. Мои эмоции о его внуках и правнуках он охладил: «Это уже не моя проблема, и решать её другим». Но это было лишь мгновение, и вот наша беседа вновь потекла, а ноги сами незаметно довели нас двоих до намеченной станции метро. Потом мы сели на автобус, и он рассказывал о недостатках архитектуры новостроек, о ветрах, гуляющих по дворам, о плохой звукоизоляции. Я слушал его и участвовал в беседе, совершенно не ощущая приниженности, но понимая, какая необычная личность встретилась на моём пути. Перед самым выходом из автобуса он пояснил мне, что кандидатская диссертация мне вполне по силам, и выразил готовность помочь без проволочек её написать. Домой я пришёл оглушённый и упрёки мамы за опоздание не воспринимал. Я продолжал находиться под обаянием ума этого человека. И он, взяв меня под защиту, сказал: «Какой у Вас умный сын». Мама скромно согласилась, ей было лестно, и это был почти финальный аккорд нашей встречи. Перед тем как окончательно попрощаться мама неосторожно вспомнила его сына, которого сама сажала в тот роковой самолёт, предварительно достав билеты на него. В моем вежливом собеседнике сразу проснулся профессор, и как давеча, в теме «судьба потомков» в его голосе прозвучала вежливая сталь: «Не будем об этом!» Он побыл недолго у нас, его коллеги сумели найти номер в гостинице. Мы прощались с ним, и было такое ощущение, что это очень близкий, почти родной человек. Он напомнил мне о кандидатской, а я, осознав реальность возможности, каюсь, испугался, потому что не был готов отдаться целиком этому труду. Но честолюбие было утолено.

Казалось бы, где тут разлука? Это же встреча! Ещё какая, но...

Наш разговор серьёзно поколебал мои прежние убеждения. С этого момента я веду отсчёт осознания того, что Ленин более не гений! Слова Карла Каутского о нём, как о человеке, думающем о революции 24 часа в сутки, прозвучали для меня теперь не похвалой, а скорее наоборот. Вдруг пришла на ум мысль, что гражданская война была войной «жадных» с «завистливыми». Живительный источник ленинской идеи на деле оказался не оазисом, а

⁷ 9 августа 1942 года в оккупированном немцами Киеве состоялся футбольный поединок, который вошёл в историю как «матч смерти». Встречались в нём немецкая команда «Люфтваффе» и советская команда «Старт» (которая состояла в основном из бывших игроков киевского «Динамо», по тем или иным причинам оставшихся в городе). Согласно устоявшейся версии (ещё раз освященной в фильме Андрея Малюкова «Матч» (2012)) советским футболистам было «приказано проиграть», но они проигнорировали требование фашистов и выиграли. Ряд футболистов-киевлян был расстрелян; по легенде, именно за отказ проиграть встрече.

миражом! И это было началом большой разлуки с тем, что мои бабушка, отец и я привыкли считать неприкасаемым, святым. Я знал, что душе предстоит переболеть, стать мудрей, но не скатиться в цинизм.

И сегодня, в 21 веке, у нас есть она — наша последняя твердыня, которую суждено защищать до конца дней. Это священная Великая Отечественная, итоги которой ныне пытаются пересмотреть. Этого нельзя допустить! Чтобы не говорили, но моя страна, её народы и, в том числе, мои родные, вместе со всеми здравомыслящими людьми стояли насмерть на правильной стороне. И с этой линии фронта ни шагу назад!

В конце лета пришла страшная весть — в 33 года тёте поставили диагноз «лимфосаркома». Она была в тот день с семьёй близко к эпицентру взрыва на АЭС, будучи химиком, понимала лучше всех угрозу, боялась за сына, а сама работала на очистке воды, и опасность её работы была на лицо. Началась борьба за её жизнь. А я не верил, что это настолько опасно. В голове не уместилось, что с нею что-то может случиться. А следить за лечением взялся её бывший свекор. Круг замкнулся. Что нас ждало в 88-м?

1988-ый

Накануне 88-года, в ноябре 87-го случилось необыкновенное событие — генсек выгнал секретаря московского обкома из политбюро. За что? Этот вопрос всех волновал, но так как гласность тут не сработала, пришли «на помощь» слухи о критике в адрес главы страны. Наш догадливый народ уловил, что в «товарищах согласия нет». И хотя на новый год звёзды русского рока оптимистично пели, что «новых бед от дождей» ждать не следует, но високосный 88-й обещал быть непростым.

Именно в это время стали раздаваться голоса защитников Сталина (письмо Нины Андреевой⁸), а вслед за ними голоса борцов за Россию без сионистов! Вы скажете: «Эка невидаль! Что их раньше не было». Погодите, раньше они отговаривались, прикрываясь маской марксизма-ленинизма, а теперь фиговые листочки и маски были отброшены. И из пыльных сундуков доставались проверенные обрезы модели «Протоколы сионских мудрецов». Надежды, что 19-я партконференция выработает единый курс, что страна соберётся, и обновление принесёт плоды, рухнули окончательно. Само руководство открыто собачилось, а вслед за ними разделились писатели. Голова шла кругом, вчера я зачитывался их книгами, а сегодня они говорили о том, что «неплохо бы посмотреть, как влияли на НАШЕГО Сталина «Мехлис и Каганович». И как закономерный итог — появление черносотенцев из общества «Память»⁹, которые выгнали всё из тех же черносотенных сундуков, казалось бы, выкинутое на свалку истории слово «Погром!» Вскоре из газетных

Нина Андреева, преподаватель химии Ленинградского технологического института, написала и опубликовала ряд писем под заголовком «Не могу поступаться принципами» в марте—апреле 1988 года. Автор делилась беспокойством о злоупотреблении гласностью, мыслями о Сталине и рассказывала о разговорах со студентами, дезориентированными троцкистской пьесой Шатрова и лживыми публикациями о героическом периоде становления СССР. Она описывала политическую сцену и общественные настроения не в терминах «единодушной поддержки перестройки», а в терминах «двух альтернативных башен», или идеологий, равно направленных против социализма, — сторонников «леволиберального социализма» и «[русских] охранителей и традиционалистов». Совмещая сдержанную критику русского национализма, похвалу интернационализму и антисемитизму, Нина Андреева выказывала сочувствие славянофильской башне, подчеркивая роль русского народа в построении социализма. *Источник:* Атнашев Т. Переключая режимы публичности: как Нина Андреева содействовала превращению гласности в свободу слова. НЛО № 3, 2018 г. УДК/UDC: 930.20.

⁹ Национально-Патриотический Фронт «Память» (НПФ «Память») — русская праворадикальная организация, известная также как Общество «Память». Как общественная организация (общество книголюбов) «Память» возникла в Москве еще в конце 1970-х гг, а к концу 1986 г. превратилась в организацию, претендующую на роль главного идеолога зарождающегося русского националистического движения.

страниц они стали материализоваться в пикеты у станций метро, митинги на улицах города. Те из них, кто посмелей, уже и открыто солидаризовались с Гитлером. Мы ждали, что власть употребит к ним власть (грустный каламбур), но не тут-то было. Они нагнали и угрожали разобраться не только с нами (к этому нам не привыкать!), но и с нашими русскими жёнами за измену голосу крови! В ленинградском воздухе всё отчётливей ощущались миазмы «нюрнбергских законов» 1935 года. А в нашей семье в 1988-м родился младший сын, и я острее обычного понимал свой долг защитить его, старшего сына, жену и родителей. Не хочу никого запугивать, но от всего этого было тревожно.

Я покривлю душой, если скажу, что «этих» поддержали многие, немало моих знакомых с презрением смотрели в их сторону, уже тем самым сдав на «отлично» экзамен на звание порядочного человека. К тому же, мы были молоды и жили, стараясь радоваться жизни. У нас росли уже двое сыновей! Я в этом году впервые познал наслаждение от учительского труда, а получив классное руководство, впервые испытал головокружительную радость любви моего класса ко мне, без которой уже дальше не мог жить. Всё это благодаря моему директору, о котором я обязательно чуть позже расскажу. Тётя продолжала лечение.

Завершался этот год тревожно, что будет «с Родиной и с нами», как пели Кинчев, Бутусов и Шевчук. И вот декабрь 88-го, землетрясение в Спитаке¹⁰, тысячи раненых, погибших, пропавших без вести. После него теряются следы моего друга Коли из Ленинакана. Это были самая настоящая большая разлука с прошлой спокойно-размеренной советской жизнью и малая разлука с, всё ещё надеюсь, только пропавшим другом. Беды продолжали терзать мою Родину. Что нам принесёт год 89-й?

Н.Б.: Это невероятно, но я пишу эти строки в 2018 году и уже знаю, что Коля, мой верный, мудрый и добрый Коля-джан жив! Я бы и сам сказал, что это только в сказках бывает! Но он нашёлся без малого 30 лет спустя. Мне помог очень славный парень по имени Гор. Какое имя, как песня орла! Он видел слёзы на моём не помолодевшем лице, и через три дня я имел все номера Колиных телефонов. Как мы оба радовались! Спасибо богу и добрым людям за такой ценный подарок!

1989-й

Перед тем, как написать эти строки, я вспомнил, что это был год змеи, и хотя я и сейчас принципиально живу по принципу «Всё врут календари» и терпеть не могу астрологические бредни, но на разлуки и удары судьбы этот год не поспешил. Вы уже заметили, что я не могу писать только о семейных делах, потому что события в мире и в стране притягивали, напоминая ледоход. Все, кто хоть раз видел это зрелище, помнят, как река бурно движется и ломает с треском льдины. Мощно, громко, страшно и красиво! Вот и тогда...

Страна готовилась к выборам в Верховный Совет, и все прильнули к радиоприёмникам или смотрели «Пятое колесо», блистала всюду звезда Невзорова и команды опального «Взгляда».

Случилось невероятное — у нас появилась оппозиция: умная, обаятельная, энергичная. Её лидером стал тот самый бывший глава московского обкома, заплативший здоровьем, но

¹⁰ Спитакское землетрясение 7 декабря 1988 года на северо-западе Армении. В зоне бедствия оказалось 965 тыс. человек, проживавших в Ленинакане, Спитаке, Кировакане, Степанаване и в 365 сельских населенных пунктах. Под обломками зданий и сооружений погибло около 25 тыс. человек, пострадало 550 тыс. человек. Большой ущерб был нанесен экономическому потенциалу республики. Перестали функционировать 170 промышленных предприятий. Остались без крова 514 тыс. человек. Источник: www.bbc.com.

вставший после почти смертельного удара. Не стану говорить о нём много, но на тот момент, он был прирожденным бойцом.

На политическом поле были, правда, и другие игроки, их называли «красно-коричневыми», и они тоже не дремали. Количество их сторонников, как и число отвратительных газет и листовок с цитатами из «Майн кампф», вызывало чувство гнева и тревоги. Их спектр ширился, но порой и они получали по сусалам! Никогда не забуду Нину Катерли, писательницу, пригвоздившую одного из лидеров национал-коммунистов Романенко. Говорят, помог ей будущий первый мэр Санкт-Петербурга, за что поклон ему до земли. И всё-таки нам было не по себе. С лета 89-го стали буквально сыпаться режимы «братских социалистических стран», при полном нейтралитете (попустительстве) нашего генсека. У них не было желания идти с нами одним путём, а у нас кончились припасы и нечем было их подкармливать. А тем временем уже кипела мятежная Грузия, неумолимо готовила развод Литва.

Вы подумаете, а ты то тут при чем?

Я работал с директором, грузином, родившимся в Тбилиси в Верийском квартале. Как только я попал к нему, понял — я готов работать у него до седых волос. Золотой медалист, пианист, бывший телохранитель Шеварднадзе собрал классную команду завучей, не побоялся взять в неё талантливую учительницу математики, по национальности еврейку. Она спросила, не забыл ли он это, он совершенно равнодушно спросил её: «Ну, и что?» И она тоже была готова идти за ним, вместе с нами в огонь и в воду. Каждый день я ходил на работу, как на праздник! Только вот, пресловутой змеёй дошла до моих ушей весть, что ждёт его в Тбилиси высокий пост. Я не хотел верить, но лопатки десантников в апреле 89-го ускорили процесс решения, и «птичке настала пора возвращаться в родное гнёздышко», так писала ему его родня. Но пока он был с нами.

А тем временем горе было уже на пороге нашего дома. Бабушкина болезнь резко обострилась и в конце сентября вступила в последнюю фазу. Ни лекарства, ни экстрасенсы не помогали. Меня покидала не бабушка, а мой верный друг! Она прожила трудную, полную взлётов и падений жизнь. Вначале пути — нянька детей старших братьев в бедной еврейской семье. Потом комсомолка, спортсменка и красавица, не думайте, это не цитата из комедии Гайдая. Всё так и было перед войной: жена молодого красавца-политрука дивизии, счастливая мать прекрасных детей. После войны — вдова с двумя сиротами на руках, вышедшая замуж второй раз за бывшего зека. Я рос с ней, и с каждым годом эта молчаливая женщина становилась мне ближе. Я мог ей доверить любую тайну. А она бескорыстно растила последовательно моего младшего двоюродного брата, а потом стала ездить в 73 (!) года ко мне с Васильевского острова на окраину города (за тридевять земель, на окраину Ленинграда), чтобы нянчить моего старшего сына, первого обожаемого правнука. Он так её любил, что начинал плакать, когда она надевала шляпу, собираясь домой. Про моего младшего она сказала: «Он сосёт кулачок! Он будет добрым!» Как в воду глядела, так и есть! Она уже не могла встать, а он подошёл и назвал ее так нежно: «Бабуля!» Она была тронута — трое внуков и двое правнуков, и никто её так не называл. Мама была не в силах видеть её страдания, и мы отправили её в Киев с младшим сыном. И тут мой отец дал мне ещё один незабываемый урок высочайшего благородства, доброты и мужества. Он остался с ней, оберегая ещё и дядю, сам делал уколы и до последнего дыхания был с ней. Но и бабушка держалась мужественно, дав нам пример достойного поведения. За неделю до вечности, узнав, что мама с сыном уехали, понимая всё, стала пророчески размышлять, кто из нас уедет из страны, а кто нет. Она нашла в себе силы даже рассказать ироничную шутку о Моне из Житомира, приехавшем из Америки через год, и на вопрос земляков, как у него дела, ответившем, что всё у него в порядке, но не подскажут ли они «Как пройти на Смолянку?».

И здесь её ироничный, добрый ум поразил меня. На поминках я не ревел, на сердце было тоскливо.

Думаете это всё? Как бы не так! Мой лучший друг со времён учёбы в ВУЗе, литовец, жил в Тракае, и вести от него доходили нечасто. Он сделал головокружительную карьеру от сельского учителя до офицера КГБ. Наступившие времена, однако, не сулили в последнем случае ничего доброго, и я очень мечтал увидеться с ним. Но проклятое «но» встало опять на пути к другу. Мою путёвку в Литву я отдал медсестре, я не мог оставить отца и жену с больной бабушкой. На долгие 13 лет я разлучился с ним и страдал от бессилия что-либо изменить.

А тем временем, то ли змея 89-го, то ли судьба, то ли проклятый Чернобыль, готовили мне новый удар. Моя тётя всегда гордилась сходством именно с моей бабушкой, она рвалась приехать на похороны, но не смогла, не было возможности. К тому же она чувствовала себя неважно. С теплотой в голосе говорила она о моём младшеньком, попутно сказав, что само его имя уже ей дорого. Это было имя её первого мужа. А потом она сказала о себе без страха, с уже знакомыми интонациями, что стоит одной ногой...

Неотвратимость давила на меня. Так заканчивался этот год — год змеи, а новый предвещал грядущие тяготы. Полки магазинов пустели, погромщики не умолкали, а катастрофы и стихийные бедствия становились не сенсациями, а заголовками газет. Но, семья это была та крепость, которую надо было защищать, и которая спасала от всех бед и горестей. Прощай 89-й!

1990-й

1-я часть

Этот год не предвещал ничего доброго. Иллюзии оставались разве только у самых наивных. При этом политика в экспортном исполнении выглядела на редкость привлекательно, и весь мир буквально боготворил нашего лидера. Восточная Европа радовалась возможности связать судьбу с богатым и сытным Западным миром. Теперь для них лишь стоял вопрос за кем идти: за США или за Европой, вслед за скандинавами и западными немцами. А у нас никаких изменений — ни в политике, ни тем более в экономике, наоборот, через 45 лет после войны вернулось давно забытое слово «карточки».

Похоже, что нашей стране выпал иной исторический жребий, события разворачивались с обильным кровопролитием. Сейчас, много лет спустя, я признаю, что в тех конфликтах каждый из нас занимал порой чью-то сторону. И я, грешный, признаю эту историческую ошибку. Сейчас, если бы мог, я прокричал во всю мощь вслед за Меркуцио: «Чума на оба

ваших дома!». Поздно! Ну а тогда, «меню» для любителей междоусобиц было на все вкусы: азербайджанцы беспощадно убивали в Сумгаите армян, вспомнив старинную вражду, а армяне вспомнили о своей былой воинской славе и обрушились с не меньшей жестокостью на азербайджанцев в Карабахе. Только-только успокоился Казахстан, но их соседи из Киргизии устроили узбекский погром в Оше. Волнения турков-месхетинцев, внезапная любовь Молдавии к Румынии, практически отошедшие от нас прибалтийцы. Было видно, что при волеизъявлении народов этих стран, они выйдут из Союза, и никто не сможет их остановить. Признаюсь честно, именно в это время наша страна напоминала караван из одного мощного корабля и четырнадцати корабликов чуть меньше. Пока у ведущего судна были силы, всё шло до поры до времени относительно спокойно. Но, когда главное судно дало течь, и понадобился ремонт, то они решили, что и сами с усами, а значит, смогут

прокладывать курс самостоятельно. Экономика была так устроена, что никто толком не знал, чему равна его доля в государственном котле.

В такой ситуации возникал соблазн разрубить тросы, чтобы не потянуть других за собой и навести на судах хоть какое-то подобие порядка. Я тоже так рассуждал, и, как мне казалось, здраво: если мы попытаемся их удержать силой, то получим войну, как потом и случилось в Югославии, где из сербов попытались сделать главных жандармов. Поэтому, когда сторонники сохранения СССР, а среди них было масса «бывших», шумели, что собрать назад республики не удастся, разве только войной, то я, теоретически, признавал войну допустимым средством решения исторических проблем. Теоретик! Разве я мог себе представить, что на эти войны когда-нибудь могут отправить и моих детей! И за это себя казню до сих пор.

В таком безумии ничего не оставалось, как спасти себя и семьи. Трезвомыслящие люди бежали во все стороны света. Уже никому не приходило в голову осуждать евреев, немцев, имевших право на выезд, скорее наоборот, многие лихорадочно вели поиски родственников за пределами первого государства рабочих и крестьян. С экранов телевизоров орали новоявленные фюреры, Кашпировский¹¹ вводил в транс всю страну, а военные в погонах с золотыми шитьём деловито обсуждали «положительный» опыт Пиночета. Заговорили о военном перевороте.

Я долгие годы не признавал права Израиля выступать от имени всех евреев, у меня есть Родина и она моя, какая бы она не была! И нечего меня защищать, однако именно чувства безопасности не было. В один из осенних дней, гуляя всей семьёй, я вдруг подумал и произнёс вслух: «Если моя страна меня не может защитить, то пусть хоть кто-то сделает это! Когда нас убивали в годы войны, — продолжал я мысли вслух — никто не вступился. Так пусть хотя бы Израиль, даже символически, за нас отомстит». Сказал и сам испугался своих слов, а моя жена, Русская из Русских, не возразила мне ни словом, ни жестом. Для нас обоих уже сама мысль об этом была труднодопустима, но мы поняли, что имеем право и таким образом спасти семью. Извините, я поторопился, потому что впереди были ещё весна и лето, оставившие немало зарубок на древе жизни.

Во-первых, нам объявили официально, что наш любимый директор всё-таки покидает нас, и районные власти поспешили прислать свою креатуру, а та пришла и сразу стала «расставлять мебель», т. е. планировать перестановку кадров. Нам не светило так начинать новое «царствие», и мы, воспользовавшись своим правом, выбрали директором нашего коллегу, учителя труда. Сейчас трудно представить, что трудовым коллективам было дано такое право. У нас была надежда, что наша завуч, которую мы успели полюбить, не даст развалиться школе. Но разлуки были уже на пороге. Во-первых, мой любимый класс, практически в полном составе, решил не оставаться в школе на 9-й год обучения. Это был удар! До сей поры, я был классным руководителем лучшего класса, не говоря про то, что я успел их полюбить. У нас был выпускной, мы бодро пели «такой у нас характер», но кошки скребли на душе. В этот же день с сильным сердечным приступом увезли того самого завуча, с которой мы связывали все надежды.

В это же время приходили страшные вести из Киева: моя любимая тётя, в 36 лет(!) стремительно уходила из жизни, и когда я позвонил её убитым горем родителям в День её рождения в мае, то единственное, что они сквозь наши общие рыдания сказали, что расскажут о моём звонке. Всё было предельно ясно, и поэтому весть о том, что её не стало, не застала меня врасплох, а только! ударила тупым обухом топора судьбы. Я собирался на похороны, но не попал на них. Сначала отец и дядя сказали, что билетов нет, но я упрямо ехал с ними в Пулково. Билетов и впрямь не было, тогда папа сказал мне: «Всё может

¹¹ Анатолий Михайлович Кашпировский (11 августа 1939, Хмельницкий, Хмельницкая область, Украинская ССР, СССР) — советский психотерапевт, получивший известность в 1989 году благодаря телепередачам «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашпировского», транслировавшимся на канале Центрального телевидения СССР, бывший государственный деятель (депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации I созыва). *Источник: Wikipedia.*

случиться и нельзя, чтобы разбились трое мужчин сразу». Убитый горем я согласился и поехал домой. Напившись корвалола, я лёг спать, но ночной звонок меня разбудил. Я узнал голос соседки, жившей рядом с бабушкой моей жены, она сообщила, что её больше нет. Разлуки продолжали бить наотмашь. Мы рассудили, что видимо, мне суждено было выполнить долг перед роднёй моей жены. Они приняли меня, а я полюбил их, и теперь надо было им помочь, тем более что бабушка растила мою жену, любила её и гордилась. А ещё она умело удивительно заразительно смеяться. Поразительно, что её нет уже почти тридцать лет, а этот смех живёт по-прежнему у моей жены, её мамы, брата и моего старшего сына! Моё прощание с тётей было отложено на 40 дней.

Оставшись за старшего, я тут же сообразил, как быстро взять билеты, чтобы не оставлять маму жены ни на один день с горем. Приехав, я постарался помочь ей и получил в ответ слова, которыми горжусь до сих пор. На поминках мы с женой и её родной брат, которому мне чудом удалось выхлопотать отпуск из армии, обступили её маму, и она с непривычной гордостью сказала: «Вот у меня трое детей!» Её родной брат не без зависти в голосе возразил, сказав, что дети это дети, а я зять. Но она повторила и сказала, что я ей тоже как сын! До сей поры, до моих ныне седых и редющих волос я горжусь этими словами и тёщей зову очень редко. Потери — потерями, но были ведь и радости и даже новые встречи. Об этом я напишу позже.

2-я часть

Через месяц мне предстояло ехать с мамой на сороковины.

Сейчас, когда я пишу эти строки, впору бы слушать полонез Огинского¹². Когда-то в годы моего детства, у нас полюбили эту мелодию, и она доносилась из каждого окна. А дети и взрослые играли её на скрипках и баянах. У нас любят такие мелодии, только вот называется этот полонез «Прощание с Отчизной»....

Вероятно, кому-то моё продолжение покажется сначала бессвязным, но я не могу передать словами, как я люблю поезда! Ещё малышом я наездил с отцом-офицером 65 тысяч километров! А с 12 лет вообще ездил один к бабушке на каникулы на Украину. Чего уж говорить, если самого любимого человека в жизни я и то встретил в пути. При одном воспоминании о запахе угля, о звоне ложечек в стаканах и перестуке вагонных колёс у меня и сейчас сладостно-предпразднично замирает сердце.

Но, на этот раз, я бы всё отдал за то, чтобы оказаться где угодно, но не в поезде Киев-Ленинград, который вёз меня и маму отдать последний долг той, кого безмерно любили, знали доброй, весёлой, красивой и молодой. Я лучше остановлюсь, а то безмерная тоска-печаль снова начнёт предательски сжимать моё немолодое сердце, а там и до слёз недалеко... Бог мой, в 36 лет! Ну, да ладно, взялся за перо — пиши.

В дороге я следил ещё и за мамой. Забота о ней была нашей семейной традицией, которую папа передал мне, а я моим сыновьям. Но пока мама держалась молодцом, была как говорят: тьфу-тьфу. Рядом с ней подседа молодая женщина и стала ей рассказывать о новой индийской секте, названия не помню. Мне это было, простите за вульгаризм, до «фонаря», да и сейчас остаётся чужим. Разливаясь соловьём, она успевала при этом бросать в мою сторону неуместно кокетливые взгляды. А мне, ей богу, было не до неё, ни тем более до её мистики. Я забрался на верхнюю полку и раскрыл «Военно-исторический журнал», купленный на Витебском вокзале. Была у меня давняя мечта найти его, но это было так трудно, как и сейчас представить, что был когда-то и такой дефицит. Журнал должен был

¹² Полонез Огинского — неофициальное название полонеза ля минор «Прощания с Родиной» (польск. *Żołnierskie Ojczyznę*), написанного польским композитором Михаилом Огинским в 1794 году под Молодечно (Минская область).

хотя бы на время отвлечь от горестных мыслей. Но не тут-то было. С каждой страницы, не выбирая выражений, многочисленные полковники и майоры поносили разоружение, объявляя это происками мировой закулисы. Догадываетесь? Публика была прямая и называла конкретный народ-исполнитель злой воли. Было тяжело на душе, а стало просто тошнѣхонько, как говорят на моей любимой Новгородчине.

Я не был в Киеве пять лет, и за этот срок должны были произойти перемены, но какие? Неясно. Ещё в поезде я договорился с мамой, что возьму на себя мужа, а теперь вдовца моей тѣти. Она сразу всё поняла и одобрила. Он встретил нас и повѣз домой, благо жили все на одной лестничной площадке. Мама ушла с безутешными родителями моей тѣти. Овдовевшего зятя они не любили, он их тоже, поэтому нам приходилось быть дипломатами и утешителями. Я и сам плохо понимал, что связывало мою умную и ироничную тѣтю с этим несколько ограниченным человеком. Вечер я провел в основном с ним, я видел, что он искренне безутешен и подставлял ему своё плечо, как мог. На следующий день мы поехали все на кладбище. Все — это родители, дядя (старший брат моей тѣти), бывший зять, 17-летний сын моей тѣти и мы с мамой. В машине дядя рассказывал, что он делает для помощи чернобыльцам. Он покупал какие-то машины, из стремительно сокращающихся воинских частей, передавал их медикам. И с некоторым укором глядел на теперь уже полностью осиротевшего племянника. Я не видел его четыре года и тоже вглядывался в него. Он вытянулся на диво быстро и стал очень похож на отца и его покойную бабушку. Это дитѣ я любил безгранично. Ему было 11 месяцев, когда я впервые с радостью остался в его няньках. Я ждал с нетерпением снимков, покупал ему игрушки и, приезжая в Киев, днями таскал на плечах, кормил мороженым и травил шуточки. В Ленинграде я пошѣл с ним в институт и стоял, ревниво ожидая восхищения. От такого напора он уставал, но не сопротивлялся. Потом ему было 13 лет, и он, живя то у бабушки, то у мамы, был свидетелем и участником всех семейных баталий. Своими впечатлениями он делился со мной, подчас откровенно, а иногда насмешливо (совсем как его мама). Он окончил школу и собирался поступать, как и его покойные родители, в киевский универ.

Мы приехали на кладбище. Чтобы лучше передать все переживания, я вспомнил одну из наших общих любимых книгу, которую мы оба читали в юности. В самом конце повести «Сестра печали» Вадим Шефнер писал о героине книги: «От того, что я не видел, как ее убило, и даже не знаю, где она похоронена, я не могу представить ее себе мертвой. Я помню ее только живую. Она живет в моей памяти, и когда меня не станет, ее не станет вместе со мной».

Теперь я понимаю, что похожие мысли помогли мне в дальнейшем переносить подобные удары. Это и мой совет вам на будущее, постарайтесь вспомнить человека живым и весѣлым, и вам будет не так тяжело.

Оттуда мы поехали на поминки, на которых мой добрый дядя и я пытались безуспешно мирить родителей и бывшего зятя. Но они, особенно отец, были к зятю неумолимы: «Теперь нас ничего не связывает!». Я пошѣл вечером гулять с моим повзрослевшим братом. Этот разговор был важен, я сказал ему, что он может всегда рассчитывать на меня, он поблагодарил, но сказал, что дядя ему поможет. Сказал, что пойдѣт на истфак. Я ему попытался объяснить, что историком у нас быть занятие неблагоприятное, вратъ заставят, а, к примеру, моя специальность важнее и благороднее. Я специальный педагог, как и моя жена, и её мама. Он возразил, что история ему ближе, но как-то без энтузиазма. Мне показалось, что он скорее надеется на хорошо подвешенный язык, тем более за него похоже уже всё решили, и мы сменили тему. Он рассказал несколько очень интересных легенд о запорожских казаках. Потом несколько потрясающе-смешных анекдотов, на украинском языке (благо переводчика «мени, як це кажуть, не треба») и все они, так или иначе, были о «москалях». Иными словами о русских. И когда я спросил о его отношении к украинским националистам, то он с гордостью и нежностью в голосе сказал: «Да, я националист и считаю всё украинское лучшим!»

Вот, тебе и на! Я напомнил ему, что он сам на четверть русский и ещё на четверть еврей. Он стоял на своём, и я оставил все безуспешные попытки перечить ему. А он говорил со мной откровенно: «Мы, молодёжь, все так думаем! А ещё мы ценим всё американское. Мы их называем «стецьками». У стецьков всё классно! Стецьковские фильмы, стецьковская одежда. Всё лучшее!» Я слушал его тираду, а он самоиронично ухмыляясь (как не говори, на одну четверть он таки оставался евреем), гнул свою хохлацкую линию. Потом он сказал, что дядя звал нас на дачу, на Десну, и взялся проводить меня. На катере он сам завёл разговор о последних днях его мамы, надо же парню было выговориться. Внешне он держался спокойно, подчас, мне казалось, чересчур. Он рассказывал подробно, но с гордостью. С его слов, она до конца мужественно держалась и даже следила за собой, просила принести косметику. Позже её муж подтвердил, что она дала интервью французам, и они были покорены ею, но телерепортаж они ему не прислали.

На даче у дяди отдыха не получилось, мы оба сперва молча горевали, а потом он на правах старшего спрашивал с меня, и я, зная его любовь ко мне, ощущал себя порой первоклассником. Мне досталось за 86-год, о чём я писал. А он рассказывал о своей, бурной на тот момент деятельности. Мой двоюродный дядя был моей первой нянькой, но он воистину незаурядная личность. Спортсмен, дипломат, тренер, поэт... талантов ему не занимать. А ещё он удивительно преданный сын! Мы разговорились о его племяннике, и он повторил, что дело решенное — тот идёт на истфак. Меня не очень-то смущало, что он учился на одни «тройки», лишь бы голова была на месте. Я и сам не из отличников. Но по всему было видно, что он не горел желанием работать в широком смысле слова и самым страшным наказанием считал запрет на рыбалку. Вот этому занятию он был точно готов посвятить все 365 дней в году. От этой темы мы перешли на будущее, и дядя уверенно сказал, что Украина выйдет из СССР. Он считал этот шаг неизбежным и даже осторожно одобрил (а может в душе смирился с ним). Я сказал ему, что это стремление мне понятно, но получалось, что победа на стороне Петлюры¹³ с Бандерой¹⁴, а я их буду ненавидеть до последнего вздоха. Щоб вони обое сказалися! Но дядя был реалистом и ещё раз подтвердил свой прогноз. И тогда я спросил о том, знает ли он семейное предание о гибели моего родного деда. Оказалось, не знал, и я коротко рассказал, что к этому причастны бандеровцы. Я сказал, что мстить им я не собираюсь, но и руки не подам. А под конец напомнил историю, облетевшую весь мир. В джунглях юго-восточной Азии нашли солдата японской императорской армии, для которого война длилась ещё долгие 44 года, и он более всего боялся попасть в плен. Когда же он всё-таки был пойман, приведён в порядок и коротко проинформирован о новом миропорядке, то его с помпой встретили в Токио. Вернулся герой! «Так и сейчас Украина, — говорил ему я, — она похожа на того солдата, для которого эта война не кончилась и он не сложил оружия. А это опасно». Мы знали друг друга 35 лет, и такой разговор у нас был впервые. Я чувствовал его удивлённое уважение, но внутренне он уже видел и другое — контуры новой политической карты мира — и был согласен с нею. Всю оставшуюся ночь я не спал, меня поедом терзали комары, и не давали покоя думы.

Вскоре я уезжал, провожать меня вызвался отец тёти. Вот кому было хуже всех! Если что-то и держало его на этом свете, то это были внуки и дочь. Но без неё даже эти внучки, два бриллианта от второго позднего брака сына, четырёх и двух лет, были не в состоянии вернуть его, мужественного, порядочного и в прошлом храброго лётчика на землю. Я всю дорогу пытался его утешить и поддержать, но он как рефрен твердил, через промежутки

¹³ Симон Васильевич Петлюра — украинский военный и политический деятель, глава Директории Украинской Народной Республики в 1919—1920 годах, Главный атаман войска и флота. Является крайне противоречивой и спорной фигурой. Существуют документы французского суда, по которым убил Петлюру в мае 1926 г. еврей Шварцвальд. У еврейского населения Украины Петлюра ассоциировался с погромами. Источник: pravda.ru, Вадим Трухачев.

¹⁴ Степан Андреевич Бандера — идеолог украинского национализма, один из главных инициаторов создания в 1942 году Украинской повстанческой армии (УПА), целью которой была провозглашена борьба за независимость Украины.

времени: «Её больше нет!» Я простился с ним на вокзале, он был так одинок, что приехав в Питер, я первым делом буквально проорал в трубку, чтобы за ним следили в оба глаза и берегли...

Чуть не забыл, ещё одна неудача добавила горечи в моё свидание с малой Родиной. Перед отъездом я попытался связаться с друзьями детства из моего родного города, но телефоны как нарочно не связывали нас. Лишь много позже я узнал, что виною всему была обыкновенная «9-ка», то есть ещё одна цифра, появившаяся в наборе номеров. Так на долгие годы я потерял из виду очень мне дорогих людей.

Всю дорогу, пока ехал в поезде, я размышлял, переживал. Подведя по приезде итоги, я понял. Во-первых, смерть тёти сумела разлучить некогда дружную семью, и в ней уже никогда не бывать прежнему счастью. Бедные мои. Во-вторых, я видел, что будущее многие из них видят уже вне Союза и без России, а значит и наша личная, человеческая разлука была предсказуема и неизбежна. И наконец, в-третьих, я великолепно понимал, что без Украины СССР не может быть, а поэтому в полной мере осознал неизбежность разлуки со страной, той самой, о которой я писал в самом начале хроник. И что нас может ждать после неё, я не мог себе представить. Это предложение я дописываю потому, что внезапно вспомнил, это важно. Вернувшись в Ленинград, я оказался на Невском, рядом с моим самым любимым магазином «Мелодия» и умудрился там спокойно купить за 6.90 рублей книгу Александра Солженицына «В круте первом». Сказал бы кто лет 18 назад — подумал бы анекдот. Было, отчего пойти голове кругом!

Но, слава богу, я вернулся к своей любимой семье, к моим дорогим мальчишкам, забавному младшему и старшему, который должен был идти в первый класс. Остаток лета мы жили то в посёлке, то в Боровичах. Должен сказать, что с продуктами становилось всё хуже. Хорошо помню, как Антоша всё лето играл с друзьями, при этом занимая место в очереди за хлебом, до которого был так охоч наш младший двухлетний любимец. А главное, я вернулся к самому дорогому человеку на свете. Надо было учиться становиться бойцом.

3-я часть

Была середина лета, когда мама жены легла в больницу. Боже, как я боялся за неё, неужели нам мало досталось, но забегая вперёд, скажу, Бог её уберёт и врачи тоже. Мы остались жить в домике бабушки, в окно которого однажды утром постучала незнакомая женщина. Спросила бабушку, охнула, узнав, что её больше нет, а потом стала расспрашивать нас, де кто мы? Мы представились, она тоже. Так впервые за многие годы, в нашу жизнь вошла родня моего тестя и отца жены, которого я не знал. Сестра тестя оказалась очень энергичной, написала ему письмо и переслала наш адрес. Он приехал к нам, но подробности я оставляю, потому что родными дочь и отец так и не стали. И всё-таки мы свели дружбу на многие годы с его родней, особенно с двоюродной сестрой, поразительно похожей на мою половинку.

Да, чуть не забыл, а в этом случае это было бы непростительно — 15 августа погиб Виктор Цой!

А вскоре наступил сентябрь, и в школу пошёл мой старший сын. До сих пор хорошо помню большеглазого мальчика, копия мамы, стоявшего с букетом цветов, а рядом в красивом костюме моя совсем юная жена. А я быстро поздравил их, сделал фотоснимок и умчался в свою школу, где ждал с нетерпением встречи с друзьями, детьми и завучем, которая единственная могла сберечь доброе имя нашей школы. Но она снова плохо себя почувствовала, и тогда случилась беда. Наша вторая завуч, компанейская и немного

взбалмошная молодая женщина, внезапно на ровном месте устроила бунт! Она стала третировать нашего директора и, не скрываясь, говорила, что и завуч наша ей более не авторитет. А подруги последней стали ей сообщать эти тревожные вести. Лучше ей от этого не становилось. В нашу школу попала бацилла склоки, а значит, нас ничего хорошего не ждало. Я каждое утро ходил на работу и смотрел на купола церкви и молил бога, чтобы наш бывший директор вернулся. И он вернулся на пару дней, с братом, моим ровесником. Мы тревожно говорили о возможном военном перевороте, о сепаратистах Южной Осетии, открыто собиравших людей и оружие против Грузии. Потом он уехал, и разлука с ним вызвала тяжёлый осадок. В декабре месяце нас позвал на прощально-отвальную вечеринку однокурсник моей жены и мой старый студенческий приятель. Они уезжали с женой, сыном и его мамой в Израиль. Настроение было у всех разное. Сам молодой хозяин выпил и держался относительно бодро, а рядом плакал наш общий с ним друг, с которым мы ходили в театральную студию, и повторял сквозь слёзы: «Только не навсегда!» И хоть я принципиально этого не делал, напишу. Они больше не встретились. А пока я разговаривал с гостями, благо знал многих, произошло очень важное событие, повлиявшее на всю нашу дальнейшую жизнь. К моей жене подошла жена однокурсника, которая тоже училась с ними вместе. Она, такая же русская девушка, обожавшая своего мужа-еврея, решительно спросила: «Вам вызов-то присылать?» Моя жена, не задумываясь, ответила: «Конечно, присылай!»

Это был декабрь 90-го. Всё разваливалось. Сажи Умалатова громила Горбачёва, Шеварднадзе ушёл в отставку, люди окончательно растерялись... Не представляю, как мы пережили этот год! Страшно было думать, что нас ждало. Разлуки? Наверняка...

1991-й

Так и оказалось, что тревожные события посыпались, как из ящика Пандоры. В январе стали стрелять в Прибалтике, в Латвии и, особенно в Литве, где до сих пор непонятно, кто спровоцировал вооруженный разгон демонстрантов. Но литовцы были неплохо готовы, организованы и, самое главное, получили поддержку из остальных республик, особенно России. На этот раз, русские не собирались проливать кровь за имперские амбиции правительства, по всему повели себя благородно. Хочешь свободы — иди себе с богом! Но меня уже тогда посещала тревога оттого, что к власти там могли прийти, и пришли те силы, которые ненавидели Россию и русских. Было обидно за то, что прошлые грехи должны были отрабатывать мы. Признаюсь, мы мало думали, что будет с теми русскими, которые решат остаться. Я и по сей день ненавижу и презираю тех, кто поддерживает и раздувает огонь многовековой слепой мести. Отвечать должен преступивший, а не беззащитные женщины и дети, на которых легче всего отыграться за истинные или мнимые грехи предков. Итак, Литва протестовала, а президента в это время не было на месте, впрочем, как и во время событий в Грузии. Он был невинен, как белая пушистая овечка. Всё более его поведением он напоминал витязя на распутье... Хоть бы уже двинулся куда-нибудь. И вот тогда был провозглашён референдум о сохранении СССР, мы должны были решать судьбу страны.

Моё мнение было противоположно мнению родителей: папа и мама были «за», а мы с женой «против». 17-го марта состоялся Референдум, и на нём победили сторонники сохранения Союза, но все мятежные республики игнорировали это волеизъявление. В душе мы были не против, но понимали, Союза не сберечь. Так и вышло! Но я по сию пору корю себя именно за то, что не принял сторону моих мудрых родителей. Это ещё одна моральная вина-ошибка, которой я себе не прощаю.

А тем временем обыкновенная жизнь тоже не оставляла нас в покое. Наша школа стала всё более напоминать коммуналку. Молодая завуч повела себя точь-в-точь, как старуха из сказки о рыбаке и рыбке, и решила прогнать и нашего любимого завуча, и директора! Я с

тревогой наблюдал, как школа делится на всё те же отвратительные «за» и «против». Наша любимая завуч дорожила своей работой и спешила сделать операцию и скорей вернуться в строй. А мы ждали и надеялись. Операция прошла, она была слаба, просила пить черносмородинового морса. На следующий день я встретил в вестибюле школы заплаканную учительницу рисования. Сначала я подумал, что беда случилась с мужем нашей коллеги, сердечником. Но, мне сказали, что не стало нашего любимого завуча. И тут я ещё раз отступлю от своего принципа. Вы заметили, что я принципиально не пишу имён? Они все на генеалогическом древе, за которым с любовью и трепетом ухаживаем я и мой младший сын, наследник неписанной должности — хранителя памяти семьи. Тем не менее, может быть, кому-то будет неприятно читать эти строки, и поэтому большинство героев моей хроники безымянные! Полный список я решил разместить в конце хроник. Вот это имя — чтобы помнили!!... *Мария Александровна Славина* (5/9/1937 - 6/4/1991). Я не в силах, даже сейчас описать моё горе, не стану говорить о бессчётно пролитых слезах. Ни к чему! Но мы закрыли школу на 2 дня, наплевав на РОНО! На панихиду в школе пришли даже бывшие её школьники (а ведь это были особые дети, к тому же еще и сироты) и они коряво, просто, но искренне нашли нужные слова. Наша молодая завуч почернела, она осознала, что она сделала, чувство вины легло несмываемым пятном. Мы считались приятелями, но чувство ненависти к ней было всё это время, пока не пришла ещё худшая ведьма из того же РОНО и не «сожрала» её саму. Господи, прости мне это злорадство и злопамятность!

Тем временем произошло небольшое событие, которое для меня стало добрым знаком на будущее. Мы послали телеграмму в Тбилиси нашему любимому директору о горе, постигшем нас. Ответа не было, но неожиданно проститься пришла его жена, удивительно славная, добрая и красивая женщина. Она была для меня, как ангел, прилетевший из того, незабываемо счастливого времени. И ещё один важнейший урок я получил на всю жизнь — если тебе не всё равно, что о тебе скажут люди, когда земной путь заменит небесная орбита, постарайся прожить её как Мария Александровна!

Ещё одно событие случилось в этот же день — женился мой двоюродный брат! Больше всего я запомнил, как его поздравил его дед, он встал и сказал: «Когда я увидел эту девушку, я сказал тебе — не упusti эту жар-птицу!» Об этом человеке я не имею права не поведать, потому что он во многом помог поставить мои мозги на место. Мой родной дядя попал после женитьбы в профессорскую семью, и скажу с гордостью, сумел не потеряться в ней, взять всё лучшее и добиться уважения. А его жена, которую бабушка считала в первые годы их семейной жизни ему не парой, в конце концов стала отличной хозяйкой. Но не об этом речь, а о том, что тесть дяди ходил долго в идеологических врагах нашей «пролетарской» семьи из-за вечного слушания «голосов друзей» и бесконечного ворчания в адрес нашего «мудрого руководства». Бабушка звала его в шутку «контриком». Мне от него доставалось за выстраданную ненависть к математике. Но однажды услышав его рассказы о звёздах МХАТА, о митинге с участием Троцкого, я готов был слушать его, как Шехеразadu, без конца, и часто упрекал брата за иронию в адрес деда. А потом и он, ценя во мне благодарного слушателя, проникся уважением и стал ценить мое мнение. И по сию пору, я благодарен за то, что он помог мне быть готовым к крушению империи. Но судьбе было угодно сыграть злую шутку, и он оставил нас в июле 91-го. Ещё бы один месяц!

А тем временем, в нашу и без того беспокойную жизнь, вторгалась политика. Да ещё какая! Летом нас ожидали выборы президента, которым было суждено сыграть историческую, роковую роль в судьбе СССР и в нашей, само собой, тоже. Это произойдёт позже, а пока оппоненты «успешно» раздирали общество на клочки, превращая соседей, друзей, сослуживцев и даже родственников в «сторонников» и «противников». Я намеренно опускаю термины, ведь такие коммунисты, как мой папа, дядя и другие, были куда большими демократами, чем те, кто себя ими провозглашал, предвкушая, не без основания, скорую прибыль. Победа была предопределена нашей усталостью от бесконечных ошибок

прошлой власти и от нашей извечной народной привычки жалеть несправедливо обиженного (можно заменить на «упавшего всадника»). Президент СССР лихорадочно собирал новую команду, которая могла бы создать новый союз. Но были и другие силы, которые надеялись силой вернуть всех нас в «1984». Классно, если вспомнить одноимённое название книги Оруэлла. Слова «путч» и «переворот» звучали повсюду, мы тревожно ждали.

Я очень хорошо запомнил эти три дня в Августе и думаю, что они заслужили того, чтобы каждое предложение заканчивалось восклицательным знаком! Утро 19-го. Жена и старший сын ушли в лес по ягоды, а мы с младшим ели наш весьма-весьма скромный завтрак и включили по привычке радио. А там звучали «левитановские» интонации и передавали письмо к депутатам (кажется), написанное главой Верховного Совета СССР, когда-то в юности бывшим на свадьбе у президента СССР свидетелем!

Вот Вам и дружочки! А за его «артподготовкой» грянули символические залпы «главного калибра», по радио передавали манифест ГКЧП — на сцену истории въезжали, грохоча гусеницами, танки. Ничего себе — переворот! А мы были не в курсе, и жены с сыном нет дома. Я схватил малого за руку, и мы помчались на тропку ждать наших. Они не шли, я не находил себе места. Потом схватив кусок камня, написал «Долой ГКЧП!» и вернулся с младшеньким в посёлок. По дороге встретил соседа, мужчину моих лет, взволновано и сбивчиво я рассказал ему новость. Оказывается, он не был в курсе, но спокойно сказал: «Наконец-то! Наведут порядок». У меня глаза на лоб полезли. Тем временем наши вернулись, они тоже ничего не знали. Кипя от возмущения, я рассказывал об аресте президента (так сообщала радио «Свобода»), но жена перебила меня и проницательно спросила: «Это ты написал на тропинке?» Деваться было некуда, но она сказала укоризненно-озабоченно: «Саша, это детство!» Я согласился, но сказал, что ничего другого не мог. По телевизору шло бесконечное Лебединое озеро, а на платформах станции стояли БМП-шки, направляющиеся в Москву. Все эти дни мы переживали, но когда я услышал по областному радио уверенно-деловое выступление Новгородского горсовета об их плане обороны города от путчистов, и сравнил их с трясущимися руками Янаева, то я понял — у ГКЧП нет шансов. Зайдя в библиотеку посёлка, я случайно оказался свидетелем исторического события-последнего заседания местных членов КПСС, их деятельность была запрещена. Символично, но в эти дни меня нашёл самый верный друг юности, я был на седьмом небе, и с тех пор мы не расстаёмся! Всё-таки встреча! На маленькой станции мы пересели на питерскую электричку и в вагоне поезда услышали голос машиниста: «Внимание, наш электропоезд следует до станции Санкт-Петербург!» Я был рад, что городу вернули его родное имя, но это означало, что завершилась его ленинградская эпоха. Какой бы она не была, но мы в ней жили, встречались, расставались и любили, и теперь мы прощались с ней навсегда.

Вот так мы и уехали из одного города, а приехали в другой, но оказалось, что и страна, которую мы покидали, тоже не та. За короткий срок объявили о своей независимости почти все республики СССР, ну и моя Украина за ней. Я думаю иногда, а если бы не путч, если бы новый союзный договор и мощный ум Назарбаева, что тогда? Спрашиваю и не могу себе представить.

Президента СССР спас тогда президент России. Благодаря танкам, на один из которых он забрался, в прямом и переносном смысле, он вырос, казалось, до небес, Герой! Он таким и выглядел, но только воевать-то он мог, а возводить новое — извини, подвисься. Поэтому наше светлое «капиталистическое» завтра мы и строили не по европейскому щадящему пути, а по «крутовокерскому», американскому. Во что это вылилось, все знают.

А пока мы готовились к началу учебного года, шили новый трёхцветный флаг и записывали для линейки новый гимн «Патриотическую песнь» Михаила Глинки. Линейка прошла хорошо, но моих ребят-выпускников катастрофически не хватало. Хотя они пришли на день учителя, две самые любимые ученицы, прямо на урок с шикарным букетом, бутылкой вишнёвого датского ликера и коробкой невероятно вкусных конфет. Всё стоило бешеных денег, а мои девчонки были счастливее меня. Я чуть не плакал от счастья, гордости и горечи, что не войти мне второй раз в ту воду, что не видит этого всего наша Марья. Школу нам уберечь всё-таки не удалось, каюсь, в этом есть и моя вина. Районные власти не оставляли нас в покое, и мы решили, а пусть лучше придёт кто-то из инспекторов, чем какой-нибудь экс-райкомовец. Наша молодая завуч ждала, что назначат её автоматом по истечению срока и.о. директора. А тут пришла бывшая инспектор, и её назначили на этот пост. Я мстительно рассуждал «вот тебе!», но очень ошибался. Наша новая «директриса» оказалась ещё хуже, перечень её «достоинств» не перечисть: врунья, авантюристка, и т.д. Школа пошла под откос, но всё это случилось позже, за границей эпохи больших разлук.

Если конец лета прошёл на эйфорической ноте, то осень постепенно остужала самые горячие и оптимистические головы. Мы, кажется, стали медленно понимать, что сейчас грянут обещанные реформы. «И стало нам так ясно», что ничего хорошего, по крайней мере в ближайшее время, нас не ждёт, а самые умные вспомнили польский опыт шоковой терапии. Мы с тревогой смотрели на дорожные сладости и напитки из первых киосков, на недоступные никому кооперативные рестораны и, как вершина достижений, платные туалеты.

В октябре мы пошли со старшим сыном на концерт «Машины времени», где лукаво улыбающийся Макаревич сказал о своих первых(!) гастролях в Петербурге, публика не сразу оценила шутку, и её автор победительно улыбался. Этот концерт прошёл на ура, а днём позже, но в «Юбилейном», убили Игоря Талькова. Мы ещё не знали, что это был сигнал превращения нашего города на долгие годы в столицу криминала — «Бандитский Петербург». Но когда убивают певчих птиц, ничего хорошего это никому не предвещает. Мы сами медленно, но верно прозревали: когда-то наши деды и бабушки по рецепту Шарикова всё свалили в один котёл и черпали приготовленное блюдо ну очень маленькими ложками. Вкалывали они, как рабы на галерах, но с голода не умирали. Нашим родителям повезло чуть больше, они, пережив войну, в конце концов утешились, получив весьма скромные блага. А на нас, вероятно, в отместку за относительное благополучие, всё кончилось. Никто из нас не знал, какова их заработанная доля. Итак, мы и не заметили, а котёл-то, гляди, пуст, и вот теперь нам предстояло разломать его на мелкие осколки, переплавить их в индивидуальные мисочки и на ходу из ничего научиться самостоятельно, без поддержки государства, добывать себе пропитание и как-то удовлетворять весьма скромные нужды. Кто-то был готов к «новым временам», кто-то только протирали ошарашенно глаза, а кто-то был морально готов на всё. И вот декабрь 91-го, референдум на Украине, и «они от радости пляшут и смеются», так говорила по телефону тёща моего дяди моей убитой горем маме. Я не знаю, что там за страхи творились в Беловежской Пуще, и чего так боялись три «добрых молодца». Нам было понятно, что СССР доживает последние недели, и когда наш старый красный стяг медленно спускался, а навстречу ему поднимался триколор, было жутко обидно, что нас обманули, что идеалам, которые передали нам наши родители и за которые деды заплатили жизнью, теперь не было веры. Потом я видел последний Советский стяг в музее Checkpoint Charlie в Берлине и было горько, что он больше не напоминал гордого внука знамени 45-го, а трофей поверженной армии!

1992-й

Наступил 92-й год, с которым нас поздравил Михаил Задорнов. Я пропущу кошмар отпуска цен, хлебные очереди и нагло взметнувшийся доллар.

В феврале мы собрались в гостях у наших близких друзей. Наши семьи давно, просто и верно дружили: дети, родители и даже внуки. Дом этот когда-то славился хлебосольством и знавал времена коньяка, всевозможной икры и твёрдокопчённых колбас, и компании собирались здесь часто, гуляли весело, а ныне стол был более чем скромнен. Да и гости были мало похожи на себя прежних. Один из гостей, поседевший, погрузневший, а когда-то красивый как бог, мужчина плакал за столом. Он смотрел на меня растерянными, полными горьких слёз глазами и говорил: «Как же дальше жить! Как жить, Саша, скажи? Мы жили и во что-то верили, а во что верить вам! Ведь ничего не осталось святого!» За столом все замолчали, никто от него не ожидал таких слов. Он и его жена почти детьми приехали в Ленинград и подняли этот город, сами подчас полуголодные, из руин. Потом они, жадные до работы, вкалывали на заводах и познали почёт звания «рабочий», подчас смотря свысока на полунинищих инженеров. А теперь они теряли почву под ногами. Но перчатка была брошена, и надо было отвечать, и я сказал, я ответил так, что и поныне не стыдно: «А что изменилось, дядя Толя? Что? Флаг? Да, флаг другой? Но люди остались людьми и надо, как и прежде, помогать друг другу, любить друг друга! Я знаю тебя с детства и люблю тебя, и твою дочь, и твою жену, и внуков. А мои родители — твои верные друзья, — были и до конца дней такими останутся. Так что изменилось, дядя Толя? Родина? И Родина у нас тоже есть, и любить, и беречь её тоже надо! Какой бы флаг не был!» За столом стало тихо, и он жалобно, как ребенок, не верящий в счастье, с дрожью в голосе спросил: «Ты и правда так думаешь и веришь в это или просто так сказал, чтобы утешить?» И я собрал все силы, улыбнулся, ответственность за будущее переходила к нам и сказал: «Верю, конечно, верю!» Он тоже улыбнулся, вытер ещё мокрые глаза и сказал: «Ну, тогда-то что!» И нам всем стало легче на душе. Жизнь продолжалась...

ПОСЛЕСЛОВИЕ
к первой части
или
ПРЕДИСЛОВИЕ
ко второй
части

Записки кончились 1992 годом, и это всё? Неужели совсем нечего поведать о том, что было дальше? Конечно, было, но слишком недавно всё произошло, чтобы мы ещё успели осмыслить наше прошлое. Банально, но действительно «лицом к лицу, лица не увидеть». Поэтому, дойдя до 92-года, я задумался: «Что делать с этим дальше»? И правильно ли причислять последующие 26 лет, включая нынешние, ко временам больших разлук?» После некоторых размышлений, я пришёл к выводу, что с 92-ого наступил иной жизненный рубеж. Думаю, что прошедшие 5 лет были, скорее всего, школой жизни, а последующие - ею самою. Поэтому название второй части напрашивалось само собой «Время жить».

На этом отрезке тоже были разлуки и встречи: нас покидали очень дорогие люди, родные и близкие друзья. Правда, были и встречи, менявшие жизнь подчас на 180 градусов. С 1992 по 2018 судьба не поскупилась на взлёты и падения, успехи и горькие поражения, рискованные, почти авантюрные поступки. Наша жизнь сделала, как говорили раньше моряки, «поворот все вдруг». Мы тоже должны были применяться к новым условиям жизни.

Не отразить эти изменения — нельзя, но боюсь превратиться в этакий самодельно-домашний вариант передач Леонида Парфёнова. Боюсь, всего боюсь! Особенно не хочется наскучить тем, для кого пишу, и себе самому надоест тоже не хочется. Эх, была не была, не понравиться — брошу. В конце концов, я не Гоголь и пишу не второй том «Мёртвых душ».

Как Вы уже поняли, я буду по-прежнему писать о людях, повстречавшихся на пути и оставивших добрые и не совсем добрые следы в судьбе. То есть описывать личную жизнь. Это ведь и есть самое интересное в жизни, познавать людей и через них себя самого. Но, на мой взгляд, человеческие характеры и судьбы становятся ярче и интереснее, когда они тесно переплетаются с событиями, происходящими в обществе, в стране и в мире. Аполитичным моё воспитание точно не назовёшь.

Надо мной ещё в детстве подтрунивали из-за повышенного интереса к политике. Но я рос в стране, где идеологическая работа была поставлена куда лучше, чем производство женских сапог или джинсов, решение о выпуске ткани для которых принималось аж на политбюро. Поэтому приемлемых выходов из постоянного режима промывания мозгов было два: первый — уйти в принципиальную аполитичность, это когда ты имеешь смелость петь песни только «про любовь», второй — учиться читать между строк и не давать из себя делать куклу на верёвочках. И если я выбрал последний путь вслед за бабушкой и отцом, то моя мама склонялась скорее к первому, лирическому варианту. Был, правда, и ещё один вариант, хотел было о нём не писать, но раз уж начистоту...

Привожу пример: на конференции по работам Л.И. Брежнева я, выступая по „его труду“ «Возрождение», «находил» в нём призыв брать пример с тех, кто поднял страну из руин. Доброе дело, но автору и самому бы было интересно о нём знать, если бы он написал хоть одну строчку. Но такие игры с командой «1984» (я имею в виду пророческую книгу Оруэлла) кончались плохо, либо ты превращался сам в одну из голов дракона, либо срывался. Я один раз чуть было не погорел, сорвался и сравнил энергичного Кастро с нашими лидерами, но моя студенческая группа не выдала! А вот Игоря из театрального института, который ходил в нашу студию, во время летних каникул, в его родном Витебске арестовало местное КГБ. Круглосуточная пропаганда довела его до того, что он сделал чучело и повесил его перед входом перед райкомом партии. На чучеле была табличка «он хотел говорить правду». И

хотя свидетелей, понятное дело, не было, но мы сразу в это поверили. Сейчас в это трудно поверить, но так было.

На мой взгляд, беззаботную аполитичную жизнь могут себе позволить только коренные жители стран. Нам, птицам, порхающим с места на место (за это нас прозвали «пархатыми»), самой историей завещано держать нос по ветру! Любой политик был, есть и будет для нас хорош, если он будет спасать свою Родину, но не будет при этом бить мой народ. Мы, конечно, не ангелы, но может быть в этом и есть суть нашего рода-племени, быть индикатором порядочности. Мы не киевский торт, чтобы быть всем по вкусу, но и сживать со свету за мнимые прегрешения нас не стоит. Да и кончается это, чаще всего, неудачно.

Как на духу, мне, подобно Маяковскому, «писать бы романы для вас доходней оно и прелестней». Нынешнее поколение рассуждает иначе, они смелее нас в чём-то, а может быть это юношеская безрассудность. Но повторюсь, человек я немолодой и раз уж свои символические сорок лет вслед за Моисеем по пустыне до конца не прошёл, то и от рабства до конца не избавился, а с таким багажом, как известно, в землю обетованную не пускают. Так что придётся жить по старинке и следить за новостями в мире. А то, как бы чего не вышло!

Часть вторая

Время жить

«Идет ветер к югу, и переходит к
северу, кружится, кружится на ходу своем, и
возвращается ветер на круги свои»
Книга Екклесиаста (рус. пер.)

ЖИТОМИР

Вы заметили, как много сделано фотоснимков за прошедшие два десятилетия? Наши знаменитые на весь мир (сам видел!) фотоаппараты фирмы «Ломо» мы променяли очень быстро на относительно дешёвые фотокамеры-мыльницы. Нам нравилась то, что мы отдавали плёнку и получали готовые цветные фотокарточки. И очень скоро привычная черно-белая фотография стала раритетом семейных альбомов или символом фотоискусства. О, где вы, те времена, когда мы собирали все фотопринадлежности в ванную комнату и с нетерпением ждали волшебства появления изображения! Ушли в далёкое прошлое. А нынче, если у тебя есть мобильный телефон, то даже самый «безрукий» фотограф в состоянии взять флэшку и принести домой ворох карточек. Вот я и беру в руки лазерный диск, и сцена, изображённая на нём, буквально встаёт перед глазами.

Вот и мой черёд побыть кузеном Лариосиком из Житомира

Передо мной сидит на низкой табуреточке продавщица. Мне и заглядывать не надо, я знаю — это август 2010 года, вход на Житний рынок Житомира. Прямо у ворот дородная женщина, на ней поверх трикотажной водолазки надет светло-голубой фартук. Моё замешательство она принимает за желание купить её товар и обращается: «Мужчина, купуйте кровьянку!» Я знаю, что в этом городе уже практически никого нет, кто мог бы окликнуть меня, как бывало: «О, привет! Ленинградец!». Есть ещё тётя, мамина двоюродная сестра, но к ней я приду позже. А пока эта продавщица единственная, кто заговорил со мной здесь, в двух шагах от места, где жили мои прабабушка и прадедушка, их дети. Этот адрес стоит и в похоронке моего деда — вул. Гоголевська 14, он был занесён в его учётную карточку. Сюда меня привезли из роддома моя мама, бабушка, дядя, а потом купал муж бабушкиной сестры. Но прав был Максим Богданович: в его, щемящем сердце эпилоге поэмы «Вероника» «Няма таго, што раньш было». И улица эта носит имя Бориса Лятошинского, говорят, это был деятель культуры, может даже и выдающийся, но сейчас

моими немного недоумёнными и чуть разочарованными глазами смотрят на эту табличку с названием все те, кто знал это сердце города в прежние времена. А женщина настаивает: «Ну, так шо, мужчина, чи ви будете купувати кров'янку?» Я вспоминаю бабушку, которая всегда торговалась и пытаюсь сделать то же самое. Землячка даёт мне попробовать, дійсно, дуже добра ковбаса. Але, не зараз, любя моя, и я, тщательно подбирая слова, тому що Мову я ніколи не вівчав, говорю ей: «Чи ви знаєте, кільки рокив я тут не був? 25-ть!» Она поднимает глаза на меня, но через секунду с её уст слетает уже знакомый рефрен, и я машу своим детям и жене, надо хоть посмотреть на рынок, носящий имя города. Мы быстро проходим по рядам, но ничего того, что делало его настоящим украинско-еврейским рынком, нет и в помине. Нет резников (шойхетов), у которых бабушка забивала птицу для набожного привереды, коим был её второй муж. Нет сметаны, огурцов, ягод, яблок.... Кругом готовые товары из Турции, Гонконга и других стран. Ну что ж, хлебну-ка я кваску родного и пойду показывать родные места. Но сделав первый глоток, понимаю, что не допью его до конца. До нашего старого кваса этому синтетическому напитку как до звёзд. Делаем снимок с кружками, отставляем вежливо в сторону и идём в центр города. Впереди захлёб рассказов, глаза на мокром месте и всё-таки радость.

Справа от меня скверик, где мы с тётей «ловили шпионов», которые носили черные очки и были одеты в белые нейлоновые(!) рубашки. Вот слева школа, детсад, справа роскошное здание госбанка, и, наконец, я на Михайловской улице! Только настоящий истово-фанатичный житомирянин знает, что никакие Шанз Елизе, Унтер ден Линден или Пикадилли не идут в сравнении с этой улицей, точнее улочкой 150 - максимум 200 метров длиной. Разве что Бродвей. Ну так мы его и называли наш «Брод». Я долгое время не знал официального названия этой улицы, а оно было верхом оригинальности «ул. Советов», но даю голову на отсечение — никто её так никогда не называл. Здесь то и была настоящая жизнь: детский кинотеатр, два любимых книжных магазина, парикмахерская, где много лет работала бабушка. А вот и церковь, но я никогда не знал, что она такая красивая! По семейным преданиям рядом с нею была гостиница, которой одно время владела моя прабабушка. Теперь здесь обычный спортивный магазин. Деревянная гостиница, кажется, сгорела. И вот мы идём к кинотеатру «Украина», точнее бывшему кинотеатру, потому что там теперь развлекательный центр. Мне почему-то жаль те два кинозала (червонный и голубой). Эх, сейчас бы посмотреть что-нибудь типа «Мировой парень» или «Что может быть лучше плохой погоды?» Смешно, наивно и чуточку печально, но вот мои зоркие сыновья видят небольшую бронзовую фигуру. В ней легко узнать талантливого, но рано ушедшего артиста Сергея Иванова, который талантливо сыграл кузена Лариосика в экранизации «Дней Турбиных». Это и есть памятник его герою. Я стою рядом и понимаю, точнее, чувствую, что я здесь тоже в своём роде кузен Лариосик. Это ведь, в конце концов, мой город! Но, что в нём осталось от того Житомира? И кто меня здесь ждёт?

На снимке с моими взрослыми сыновьями и с женой глаза предательски блестят. Но мои родные рады за меня, мы все настроены на одну волну и это придает сил. Я с беспокойством смотрю на часы, но старший сын успокаивает, и тогда я иду показывать ещё одну нашу гордость — житомирский бульвар. По пути мы снова идём по Михайловской, и я вспоминаю, вспоминаю...

Здесь был магазинчик, где продавали напитки, и всегда пахло углекислым газом, а ситро (прошу не путать с лимонадом) было ну очень вкусным. Мы с тётей умирали со смеху, когда читали рекламу «Пейте сухие вина!», ха-ха-ха, сухие вина, по нашей логике должны быть тогда и мокрые. В самом конце улицы находится гастроном. Он был здесь всегда, может даже до основания города. Даже на снимках времён оккупации видно, что он работал. Я захожу туда в надежде найти хоть что-нибудь, чем славился наш город: хлеб (имя и суть города!), маленькие пирожные или вкуснейшие торты, на худой конец вкуснейшее печенье. Как! И этого нет? Но, пиво то, житомирское тёмное, густое и ароматное должно быть. 75 процентов хмеля СССР собирали у нас. Куда там, на прилавке лежит марка пива «Львовске». Всё остальное — привозное. Я досаую на глобализацию и её тотальное обезличивание.

Вот мы идём по ул. Бердичевской, и я показываю дом, где жил бабушкин старший брат и его семья. Его дети, внуки и правнуки — все живут теперь либо в США, либо в Израиле. До войны, перебрав лишку, он кричал моей бабушке: «Не дашь денег — пойду и скажу, что твой муж троцкист!» А дед был военным, и чего ему это могло стоить, всем понятно. А после войны, опять-таки выпив, плакал навзрыд, жалел маму и дядю, и говорил совершенно искренне, что дед был замечательным человеком.

Но вот и памятник Пушкину! Бульвар начинается. Старые гипсовые балюстрады снесли, и бульвар стал шире, и теперь вековые каштаны стоят по обеим сторонам, как старые верные дворецкие. Мы спускаемся к парку Гагарина, а дальше будет мост через главную реку города. Вот здесь, на этом месте была табличка, обещавшая восстановить памятник Николаю Щорсу. Но и таблички и памятника нет, не дождался легендарный красный комдив, и того гляди возведут на этом месте памятник какому-нибудь петлюровцу или, того хуже, бандеровцу, короче антиподу.

Слева от нас стадион, где играла местная команда, и хоть успехов больших она не добилась, но именно здесь я прошёл мои первые болельщицкие университеты, а таких преданных болельщиков и сейчас-то найдёшь с трудом. Здесь выступали на соревнованиях моя бабушка и её сестра, ставшая в конце 30-х чемпионкой УССР, а меня и тётю сюда водил на тренировку её сын, первый регбист Украины.

Вот мы и в парке! Сколько снимков, сделанных здесь, хранится у нас в альбомах. Мы доходим до моста через речку Тетерев. На нём висит множество замков, по новой моде, — влюблённых. Вот кто-то прыгает с моста вниз, с тросом. Я показываю поля, яблоневые сады, пляж и место, где впервые сам переплыл реку, беседку, скалу «Голова Чацкого» и ещё многое другое. «Ну, как? — спрашиваю я главным образом сыновей, выросших вдали от этих мест, — не хуже Боровичей?» «Не хуже, а даже лучше!» - говорит мой младший сын. Мне приятно это слышать, но мы двадцать лет ездили в милые моему сердцу Боровичи, которые стали мне по-настоящему родными, а поэтому я говорю примирительно: «Не хуже!».

Потом мы отправляемся в обратный путь, к машине, которая стоит недалеко от дома. По пути я показываю первую школу мамы, универмаг Детский мир, первую школу дяди. Позже он не поверил, но я показал снимок. Мы заходим в мой двор: вот они дома, где жили мои лучшие друзья! А вот бабушкин балкон, с которого, как с мавзолея, она безуспешно звала меня домой.

Сейчас мы по плану едем к маминой сестре, той самой, которая в 86-м уехала, не дождавшись о нас помощи. Я еду и волнуюсь. Мы заходим в магазин, покупаем шампанское и конфеты «Житомирские». Ура, наконец-то хоть что-то наше, родное! Я захожу в подъезд, знакомый с детских лет, кажется, что даже запах в нём остался прежний. Звоню. Из-за двери я слышу голос маминой двоюродной сестры, он совсем не изменился, и она логично хочет знать, кого несёт нелёгкая: «Кто там?» Мне очень хочется ответить шуткой, как это делал папа, но, куда там, голос мой просительно-взволнованный. Дверь открыли не сразу, нас никто не ждал, и тётя с мужем были одеты по-домашнему. Я смотрю на её пополневшее, но ещё очень молоджавое и красивое лицо и невольно вспоминаю её в возрасте 18 лет. Эту красавицу с миндалевидными глазами и осиной талией провожали тогда взгляды не одного десятка местных парней, но она вышла замуж за довольно простого рабочего парня, который ради неё всё-таки закончил техникум. С двумя детьми они непросто уживались с её родителями в трёхкомнатной квартире. Но тётя не хотела уходить от родителей. Я должен сказать, что семьи братьев и особенно сестёр моей бабушки жили дружно. Их испытала на прочность война, после которой семья недосчиталась четверых: отца (моего прадеда), первенца бабушкиной сестры, моего деда и самого младшего брата бабушки. Последние двое пали в боях.

В каждой семье есть свой архивариус, у нас ими были тётиня мама и ваш покорный слуга. Нельзя допустить, чтобы прервалась связь времён. И хотя об этом вслух никто не говорит, я хочу, чтобы разделённые ошибками, годами, и что ещё хуже границами, мы ощущали себя

снова, если не единой семьёй, то уж точно близкими и родными людьми. Сначала беседа идёт не очень легко, как объяснить, что я приехал на один день. Тётя спрашивает, всё-таки не смогу ли я сходить на кладбище. Но для этого нужен не один день. Она соглашается. Теперь очередь дошла до моих сыновей и жены, и тут сердца хозяев окончательно добреют. Детей в этом доме всегда любили, и мои парни им явно понравились. Теперь мой черёд узнать об их детях: о троюродных брате и сестричке. Старший сын долго не мог выбрать между Украиной и США, но буквально накануне он снова улетел за океан. А дочка так и живёт с мамой в одном городе. Я прошу посмотреть фотографии. Она приносит снимки: брат похудел и стал похож на деда, а сестра всегда была хорошенькой, и зрелые годы её тоже не испортили. У обоих очень милые дети. Я говорю об этом тёте, она польщена, но не спешит соглашаться. Она мудро говорит: «Главное, что наши, Саша!» Потом мы с ней смеёмся, говоря, что у всей нашей родни без исключения «китайские» глаза. И с каждой минутой мы становимся снова роднее и ближе друг другу. Тётя угощает нас своим замечательным вином и расспрашивает меня о маме, о дяде, горюет со мной, что уже как год нет с нами моего папы, любимца всей маминой мышпухи. Тётин муж сильно болеет, он рассказывает нам о том, как поддерживает его лекарствами еврейская община. И тогда я напоминаю всем о том, как он с трудом сумел спасти тонущего пьяного мужика. Мы отдыхали на речке, а по соседству компания шумно и крепко выпивая, отмечала День медработника. И одного здорового битюга понесло в воду, а течение на Гуйве не приведи бог, и вот он уже на середине реки. Все стали звать на помощь, орать, но в воду влетел мощной торпедой только тётин муж. Он стал тащить битюга, а тот хватать его за руки от страха, но получив пару тумачков, успокоился и дал дотянуть себя до берега. Тётин муж выругал несостоявшегося утопленника, а заодно и его жену, которая стала выть рядом со своим Ихтиандром. При этом она даже не поняла, кого надо поблагодарить. «Неужели, ты это помнишь?» - спросил он, искренне удивляясь моей памяти. У меня появилась возможность сказать ему и тёте, что мы их помним и любим. Хорошо бы побыть с ними подольше, но нам пора было ехать. Мы простились.

У нас осталось немного времени, и мы сделали прощальный круг по городу. Вот мой роддом на Смолянке, а это городской дворец бракосочетаний, когда-то в этом бывшем панском особняке была мамина женская школа. Я смотрел и размышлял, даже вчера вечером в Киеве у тёти Брони эта поездка казалась чем-то невероятным. И сегодня утром, когда мы купили в киоске карту, я ещё не вполне верил, но когда в пути замелькали старые знакомые с детства названия Калиновка, Ново-Березино, стало ясно — «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»

А сейчас вся семья смотрит на меня, в их глазах читается вопрос: «Это то, что ты хотел?» Это не то, что я хотел, а то, о чём мечтал, мои дорогие! Должно хватить до конца дней! И хотя я взял эпиграфом слова о том, что ветер возвращается на круги своя, но на смену им приходит другая мудрость о том, что два раза в одну и ту же воду не войдёшь! На улицах этого города стала гораздо чаще звучать украинская речь, на которой говорили раньше только в селе, а с отъездом в дальние страны моих соплеменников, наш город утратил часть другого, местечкового своеобразия. Мне кажется, что страницы еврейской истории Житомира в основном дописаны. Но это всё высокие рассуждения.

На один вопрос самому себе всё-таки до сих пор я не ответил, а останься тогда сестричка у нас, может быть она бы имела меньше проблем с женским здоровьем?

По логике вещей, надо было в самом начале второй части пояснить, отчего после 1992 года мы вдруг оказались в 2010-м? А с этого момента и до 2018-го ничего не происходило?

Всё очень просто. Во-первых, для осознания последних 8 лет необходимо время, а его прошло пока недостаточно.

Во-вторых, я решил использовать приём поворота стрелок циферблата, то есть «обратного» путешествия в прошлое. Поездка на Украину и обратно, как и встреча, там с моими родными, стала для нашей семьи одним из важнейших событий, своеобразной новой точкой отсчёта времени. Никто не должен обижаться, что главной из многих встреч была встреча с семьёй тёти Брони. Эту главу я хотел написать чуть позже, но, так сложилось, что произошло событие, ускорившее её появление.

Мне горько, что я не мог один поехать проститься с ней, что не был рядом с её сыном - моим любимым дядей. Пусть будет эта глава моим прощальным поклоном человеку, который до сего дня, был в моей жизни самым дорогим, после моих родителей.

Мои первые родственники

Тётя Броня

Если у кого-то в жизни есть свой Ангел-Хранитель, то в моей им стала женщина, которой я собираюсь посвятить все последующие строки. Пишу их и думаю, что это будет нелегко, потому что прожив на свете 97 лет и 16 дней, ангел мой закончил свой земной путь.

Ещё при каждом воспоминании об этой потере слёзы перехватывают горло и не дают дышать. Но оставаясь в отношении к нашей семье самым добрейшим человеком на земле, она, не раз битая жизнью жестоко и наотмашь, тем не менее, сама слезам волю не давала и нытиков не жаловала. Над моей мамой она подшучивала за склонность к меланхолии, называя её «слезинкой ивановной». В самые тяжёлые минуты она говорила тем из нас, кому было особенно трудно: «Вот увидишь, всё будет хорошо!» И это не просто действовало лучше любого заклинания, а происходило на самом деле, и тогда она, не скрывая радости за нас, восклицала: «Вот, видишь! Я же тебе говорила!». И нам поневоле передавались её смелость и вера в себя. Всё это было без тени суеверия и модной ныне набожности. «У меня

свой бог!» - говорила она, при этом повторяя слова моей прабабушки Этли: «Бог, он тоже коммунист!» Так что придётся обойтись без слёз, чтобы её не огорчать.

Даже сейчас, когда её нет с нами, мне это всё легко вспоминать потому, что она сумела передать столько тепла и доброты своего сердца, что его ещё и внукам на долгие годы хватит! Так происходит со звёздами, продолжающими светить и после того, как они погасли.

О том, что она мой Ангел-хранитель я задумался только сейчас, а ведь она берегла меня буквально с первых дней моего рождения и до последних её минут, когда, преодолевая смертельную слабость, шёпотом поздравляла меня с ожидающимся прибавлением в нашей семье. Она без малого 36 лет назад благословила мою собственную семейную жизнь, при этом сразу приняла мою жену и полюбила её и моих детей так же предано, с полной отдачей душевных сил, как и своих родных. Иначе она не умела.

Мои родители познакомились далеко от своих родных Ленинграда и Житомира, совсем на другом конце страны. В конце ноября 56-го папа привёз маму и меня, тогда ещё двухмесячного, из Житомира на Дальний Восток. По словам моей мамы, восторгам тёти не было предела. Сам я этих проявлений естественно не помню, но наша жизнь в военном городке прочно хранится у меня в памяти с 2,5 лет. Довелось бы там оказаться сейчас, думаю, без труда бы нашел и свой дом и дома (их было два), где жила семья тети. И так как до папиного и маминого родных городов требовалось ехать две недели по железной дороге в одну сторону, путь неблизкий, то и узнал я своих родных «европейских» бабушек, дедушек и прочих близких людей намного позже. Таким образом, моими первыми родственниками и стала семья маминой тёти. Я думаю, что теперь, в этой части, надо рассказать о том, где происходили события и представить действующих лиц: тётя Броня, младшая сестра моей бабушки, тётя моей мамы, семья которой взяла её на воспитание и в которой она счастливо прожила с детских лет и до замужества. Муж тёти Брони, дядя Коля, подполковник ВВС и зам. командира полка, пилот первого класса, ставший моей маме вторым отцом после того, как в первые дни войны убили моего родного деда. Этот человек спас всю семью! Её старший сын, Валентин, он же мой дядя, в ту пору тринадцатилетний подросток. Прошли годы, я сам уже поседел, но продолжаю звать его Валик. Её младшая двухлетняя(!) дочь Нина, то есть моя тётя, которую я называл сестричкой Ниночкой. В дальнейшем я их всех буду называть этими именами.

Привязанности взрослых в семье разделились поровну, дядя Коля больше жаловал девчонок и, соответственно, чаще «брал их сторону». «Мальчишками» были Валик и я, нас оберегала, соответственно, тётя Броня. Чуть позже я напишу об этом подробнее. А пока, на правах самого младшего ребёнка, все окружили меня теплом и заботой, которая была поставлена на высочайший организационный уровень. Моей самой первой нянькой стал Валик, которого моя мама с лёгким сердцем оставляла со мной, со всеми вытекающими для бедняги обязанностями и тяготами. Мама ходила на волейбол, в кружок вышивки и так далее, а он беспрекословно выручал её. Секрет такой исполнительности был прост. В своё время моя мама, будучи самой старшей из сестёр, вынянчила и своего родного брата, и Валика тоже, и они теперь отдавали «долги».

Ниночка была лишь на два года старше меня, и я, считая её своей сестрой, долго не мог взять в толк, почему она моя тётя. В четырехлетнем возрасте её, саму кроху, посылали к нам с самыми разными поручениями. Не говоря уже о самом дяде Коле, который постоянно материально выручал молодую семью.

Сейчас я задумываюсь, что самой тёте Броне было в ту пору 35 лет! Она была молода и удивительно красива, оставаясь такой до глубокой старости. У меня навсегда отпечаталась в памяти картинка из детства: яркие ночные звёзды, свет ночника и её голос, поющий в тысячный раз «спи, моя радость, усни!» А «радость» то уже пудовая и руки того гляди отвالتها, да и сна у него пока ни в одном глазу. Голос тёти Брони давно сел и звучит уже

скорее как у Бернеса или Утёсова, нежели как у Великановой, а родители придут из кино не скоро, но их сокровище, способное «уморить роту солдат», может убаюкать только она. Вот такие уроки пения сопровождали меня первые четыре года жизни.

Я был привязан ко всем членам их семьи, предан, и они меня тоже любили, но ни для кого не секрет, что там, где растут дети, неизбежны ссоры, стычки. Мне достался от папы весёлый, оптимистичный характер, но от мамы я унаследовал лёгкую «воспламеняемость», то есть обидчивость. А когда я плакал, то мог от обиды «выбивать лбом пыль из ковров» на потеху всем, даже родителям. Так могло быть только до тех пор, пока на горизонте не появлялась моя любимая тётя Броня. Теперь-то я был в полной безопасности. Она тигрицей бросалась на них, и редко кто рисковал повторять попытку обижать её любимого «кабанчика». Среди моих кличек, а их было ещё немало (ниф-ниф, табуреточкин, колобок) эта была любимой. Критерием было то, каким, или точнее чьим, голосом она произносилась. Она знала о том, как любима всеми, но панегирики были не её жанром. Услышь она сейчас мои слова, наверняка бы самоиронично улыбнулась, а то и вовсе могла бы прервать славословие: «Ладно тебе, Сашка!» Но в том то и дело, что я до старости проходил у неё в «Сашеньках», а имена моей жены и детей она произносила только с уменьшительно-ласкательными суффиксами! Вот такая грамматика!

Пусть не сложится впечатление, что я был невинной овечкой, грехи водились и за мной. В стычках сестричка кусала меня или щипала, а я был силён в кулачном бою. Как правило, инициатива редко исходила от меня, и поэтому, считая себя обиженным, я жаловался, а сестричка сносила страдания молча. Пройдя такую школу мужества, мы в дальнейшем дружно отражали нападки «внешних» врагов.

Однажды мы ночевали у тёти Брони, и меня поймали «на месте преступления». Я слопал «ночной паёк» Ниночки; литровая банка молока и краюшка ржаного хлеба исчезли в считанные секунды в моём упитанном тельце, но предательские молочные струйки, стекающие по довольной упитанной рожице, выдали меня. Сестричка могла не есть днями, и это была её единственная еда, которую я без злого умысла «смёл». Но и в этой ситуации, тётя стала на мою защиту. Она любила мальчишек, и этому были свои причины весьма драматического или скорее даже трагического характера, но, чтобы их понять, надо немного знать её судьбу. Чему я и хочу посвятить вторую часть этого повествования.

Герои моих записок

В конце 70-х годов прошлого века в среде читающей интеллигенции взорвалась настоящая бомба — обсуждали книгу Анатолия Рыбакова «Тяжёлый песок». Наша не очень богатая семья гордилась тем, что старалась внимательно следить за литературными новинками. И вот эта книга попала в руки сначала маминого родного брата Фимы, потом в мамины и, наконец, до неё добрался я. Я сразу поймал «нерв» этой книги, наконец-то о советских евреях, какими ощущали себя большинство из нас, были сказаны добрые слова сочувствия. Это было тем более ценно тем, что антиссионистские (читай антисемитские) статьи тогда публиковались с печальной регулярностью. А тут книга прослеживающая судьбу большой семьи из белорусского местечка. Как сейчас помню, первая часть читалась легко, на одном дыхании, она заканчивалась летом 41-го. Я намерено не называю эту семью еврейской, потому что к этому времени молодёжь из местечек, простите за высокий слог, порвав оковы вековых традиций, страхов или предрассудков, это уж каждый решает сам, стала заключать браки с людьми других национальностей. И эта была истинная правда! Так было и в нашей семье. Это была во многом и судьба тёти Брони и её замечательного, незабвенного мужа — дяди Коли. Светлая память им обоим! Мне бы очень хотелось, чтобы Бог был, хотя бы для того, чтобы после 26-летней разлуки он снова свёл их вместе так, как они и жили до этого все свои годы. Но прежде чем я напишу о них, стоит сказать несколько слов о второй части «Тяжёлого песка», которая была посвящена судьбе этих людей во время войны. Она была тяжелее для чтения, потому что автор воевал на фронте и не был участником событий, произошедших с теми, кто не успел спастись от гитлеровцев и их приспешников. И всё-таки Анатолий Рыбаков сумел реконструировать события времён оккупации. По крайней мере, моя родная бабушка рассказывала о сестре и невестке моего родного дедушки, которых казнили в харьковском гетто вместе с маленькими детьми. До сих пор храню я в памяти последние слова из этой книги: «...через шестьдесят лет из неведомых и вечных глубин памяти передо мною встали эти буквы, эти слова, я вспомнил их и прочитал: «Веникити, дамам ло никити». Смысл этих слов был такой: "Все прощается, пролившим невинную кровь не простится никогда"... Сидоров, видя, что я медлю с ответом, скосился на меня, все понимал, умница, и снова спросил: — Ну, точно перевели, правильно? — Да, — ответил я, — все правильно, все точно». И в этом финале книги тоже была, как в капле воды, отражена судьба нашей семьи.

Но она могла быть ещё страшнее, если бы они не сумели все собраться вместе и поддерживать друг друга всеми силами. Но, главное, если бы не взял на себя всё спасение дядя Коля. Я называю его дядей, а ведь было ему в тот момент 22 года! И ещё одна мысль, крамольная по нынешним временам. Случись ему и тёте Броне встретиться в иную эпоху, не миновать бы им судьбы Ромео и Джульетты 20-века. Но, ругаемая ныне Советская власть, сломав эти унижительные перегородки, соединила двух таких замечательных людей! С обеих сторон семьи присматривались тогда: «Кого это чужого ты ведёшь»?

Что и говорить, если я сам, идя по стопам тёти Брони, не смотря на осторожные взгляды моих земляков из Житомира, взял в жёны русскую девушку, которой, оказалось, лучше нет на свете! И тут тётя Броня была мне примером! Так что если и есть нам за что обижаться на то время, то и есть за что его благодарить.

Итак, родилась тётя Бронечка в очень бедной, многодетной еврейской семье (см. снимок). И надо сказать, что хоть и считалась она еврейской, но дед Янкель, отец 8-х своих и одного приёмного ребёнка, точнее дочки Наты, пил в «лучших» традициях нашей Родины. И страсть эта, к сожалению, передалась по наследству (правда, по различным причинам) трём его сыновьям: Мейше, Грише и Шуре. Но были в семье ещё два брата — Исаак и Сёма, — они не пили. Трудно было поверить, что этот тихий смиренный старик был в молодости заядлым драчуном, и носил кличку «Янкеле-кацап», то есть «русский». Заслужил он её в армии, когда защищаясь от изверга-фельдфебеля, умудрился сбить его ударом кулака и утопить в сортире. Его драчливость передалась самому младшему сыну, и он, попав на

фронт, повторил судьбу отца, поскандалив с командиром. Только его участь была трагичнее, и он пропал без вести в первой же атаке. Грешили на командира.

На последней предвоенной семейной фотографии Янкель уже тих и скромн, как и полагается настоящему еврейскому мужу. Центральное место принадлежит его жене, величественной красавице с библейским именем Этель-Мариам Даниловна Берент (урожденная Стариковская), моей прабабушке Этле.

По словам моей мамы, тётя Броня более других детей пошла в неё. В семье кроме братьев росли и три сестры, их судьбы чем-то напоминают сказку. Все трое были без преувеличения красавицами и каждая была по-своему незаурядной личностью. Мою бабушку Полю ценили за трудолюбие, и к тому же она была хорошей спортсменкой, гандболисткой. Тётя Геня, средняя сестра, смотрела на эти увлечения чуть свысока. Её коньком была фанатичная тяга к любого рода знаниям. Она и 30 лет спустя после войны помнила все марки моторов в авиаремонтных мастерских. А на младшую сестру, как и полагается в сказках, никто особенного внимания не обращал, и она росла сама по себе. Сёстры посмеивались над ней, но пришло время, и она пошла в школу, то есть сама записалась в неё, чуть ли не сразу в пятый класс. Напомню, средним в то время было семилетнее образование. И она его получила в считанные годы. Так она встала вровень со средней сестрой. Теперь оставалось нагнать старшую сестру, и она сделала это в прямом смысле этого слова. Она стала лучшей бегуньей, чемпионкой, но не города, не области, а сразу Украины! Вот так! К слову сказать, этот спортивный талант унаследовал Валик, став, благодаря великолепным способностям бегуна, выдающимся игроком в регби. Фотографии тётки Брони с республиканских соревнований долго хранились в её альбоме. Но они навсегда вошли в историю семьи и по другой, лирической причине. Там на соревнованиях тётя Броня познакомилась с дядей Колей. Ей шёл 18-й год, а ему 21-й. К этому времени она уже не была смешной девочкой-подростком. По красоте она не уступала старшим сёстрам, если не сказать затмевала их. Но и молодой человек был ей под стать: высокий, светловолосый, светлоглазый.

Но это ещё не всё! Главное, он был лётчиком! Понимаете, лётчиком! Нет, это не дано понять тем, кто не знает той эпохи. Сейчас так ценят космонавтов. Вы только себе представьте, голодный деревенский мальчик, до шести лет не имевший штанов, ходивший по селу в длинной ночной рубашке, стал пилотом первого класса! До войны выпускники лётных училищ носили парадную форму тёмно-синего цвета с золотыми галунами. А тут ещё и фильм вышел на экраны соответствующий — «Истребители» с Марком Бернесом в главной роли. Даже сейчас, спустя почти 80 лет, я, заслышав легендарную песню «любимый город может спать спокойно!», думаю о том, что и наш дядя Коля ничем не уступал знаменитому актёру. Повстречавшись друг с другом меньше недели, без долгих колебаний, молодые пошли и расписались в Загсе. В Житомир пара приехала уже мужем и женой. Времена были советские, и на какое-то время люди забыли прежние вражду и недоверие к друг другу. Моя мудрая прабабушка Этля встретила молодого зятя доброжелательно. А для прадеда придумали в утешение целую историю, чтобы его зря не волновать. Ему сказали, что дядя Коля еврей, только он светловолосый, а зовут его на самом деле Калмен. Не знаю, рассказали ли прадеду впоследствии всю правду или нет. Об этом семейные предания умалчивают.

Но до 41-го ещё пока есть немного мирного времени, и «любимый город» спит пока спокойно. В подтверждение одна весёлая довоенная история, дошедшая до нашего времени. Перед войной в школах нашей страны в основном учили немецкий язык. Дядя Коля учил его тоже, как и полагалось курсанту-военлёту. Однажды в Житомире был на гастролях еврейский театр с какой-то комедией, само собой на идише. Дядя Коля пошёл вместе со всей семьёй. Казалось бы, его с тем же успехом можно было повести на пьесу монгольского или иного автора. Но он, быстро сообразив, что идиш тот же немецкий, вмиг стал самым эмоциональным зрителем. По словам мамы и бабушки, он так громко смеялся, что зрительный зал (можно я не буду говорить о национальном составе публики?) всё больше смотрел в сторону молодого русского лётчика, нежели на сцену.

За год до войны у молодых родился старший сын, его называли именем Валера, или как его любовно звали Валерик. А как иначе можно ещё назвать сына лётчика, как не именем легендарного пилота Валерия Чкалова?! Только вот такая беда, до Валерия Николаевича он так и не дожил. Война, проклятая война, оставила его навеки ребёнком. Но как бы ни было страшно писать об этом, я сделаю это, потому что если кто и прошёл через это испытание достойнее многих, так это дядя Коля.

Июнь 41-го года. Война ещё только началась, и многие не догадываются, во что это может вылиться. Те, кто немного знаком с историей Великой Отечественной, могут вспомнить самую первую военную сводку, где наш родной город Житомир назван самым первым, среди подвергнувшихся бомбардировке советских городов. Но не все ещё поняли меру беды, в буквальном смысле слова свалившейся с неба. Многие ведут довоенный, почти беззаботный образ жизни. В том числе и тётя Броня, она по привычке зашла на житомирский вокзал, прогуляться с подругой. На перроне подруга обратила внимание тёти на красиво одетую молодую женщину с двумя нарядными детьми. Присмотревшись, та охнула: «Да, это же Поля, моя сестра!» Так оно и было, но радости эта встреча не могла принести; то, что рассказывала старшая сестра, приводило в ужас даже отчаянно смелую тётю Броню! Бабушкин муж, мой дедушка, Яша служил в Черновцах, на самой границе с Румынией. 22-го июня он уехал с ординарцем в часть, как оказалось, навсегда. А бабушка, пережив с двумя крохами двухдневную бомбардировку, получила от деда две записки. Он писал в них, что это война, и надо спасаться во чтобы то ни стало. Говорят, записки эти долго хранились и после войны. И вот, приехав в родной город, теперь уже она забила тревогу, и семья стала спешно спасаться.

Дядя Коля

Я не знаю, как им удалось, но вся семья собралась вместе, и они отправились в эвакуацию. Мне до сих пор непонятно, что сделал дядя Коля, но с осени 41-го все они оказались в его части. Это было военное училище, где он был инструктором, учившим пилотов летать на всех машинах марки «Ильюшин». Это были знаменитые на весь Советский Союз авиационные училища, находившиеся в Красном Куте (там учился Василий Сталин), а потом и в Чкалове (ныне Оренбурге). В одном из таких училищ дядя Коля был пилотом-инструктором.

Однажды, примерно 40 лет спустя, я услышал от своего пожилого коллеги: «ЧВАУ-1 и ЧВАУ-2! Кто ж их не знал!» Впоследствии там учился Юрий Гагарин. Но это послевоенные истории, а пока войне не видно было конца, и она, как жуткий зверь, требовала новых и новых жертв.

Когда наши приехали в Чкалов, то они не зная где доведётся ночевать, оставили временно свой жалкий скарб, и, вернувшись за ним по утру, нашли его в целости и сохранности.

Когда я рассказал эту историю своим студентам из Оренбурга, то они уверенно, почти торжествуя, заявили: «В наше время бы не нашли!» И я возразил им: «Но, это же Ваши деды!» Им нечем было крыть.

Из Чкалова семья отправилась в посёлок Чебеньки, где пробыла до 43-го. Много раз я слышал это название в нашей семье. Моя мама, её родной и двоюродный братья вспоминали чаще свои детские проказы и реже голод, уральские холода (и все без валенок), вши, малярию, после которой маму полгода колотила лихорадка, а у её родного брата отнялись ноги. Ходить сам он не мог, и носил его на плечах дядя Коля! Он устроил тётю Геню инженером в авиамастерские, а мою бабушку Полю — подавальщицей в столовую училища, где она порой могла что-то принести детям. Особенно тяжело переносил голод мамин младший брат Фима. А дядя Коля, рискуя жизнью, отдавал свой бортпайковый шоколад бедным детям. А ведь за это полагался трибунал, потому что бортпайк приравнивали к оружию! Моя мама часто вспоминала этот замечательный, американский

горький шоколад, а меня трясёт и по сию пору, когда я думаю о его цене. Так они и жили вдали от фронта, но военное горе их не щадило.

Я попытался распределить по времени и у меня получилось, что самым ужасным был 42-й год. Сначала в дом пришла похоронка на моего деда, первой об этом узнала тётя Броня. А потом заболел дизентерией дед Янкель, смерть его была ужасной. Подробности знаю я, и другим лучше не надо. А потом заразился несчастный Валерик, первенец тётки Брони и дяди Коли. Малыша не стало, и с тех пор тётя Броня особенно любила и жалела мальчишек — этот несчастный, такой сильный и такой слабый пол. С той поры и появилась своего рода охранная грамота для Валика и для меня. Деда и внука похоронили на татарском кладбище посёлка Чебеньки.

Однажды я чуть было не попал туда, был близко, но поездка сорвалась. И хотя я вряд ли нашел бы их могилы, но очень хотел. Когда об этом узнала тётя Броня, она с теплотой поблагодарила маму за мою преданность семье. Это и правда была и есть именно мамина заслуга. Благодаря её беспокойной памяти, я пишу эти строки: и «не прервётся связь времён», и «пепел Клааса» будет стучать в моём сердце, пока оно будет биться!

От таких ударов судьбы трудно оправиться, но зимой 43-го добровольцем ушёл в Красную Армию самый младший сын бабушки Этли, 18-летний Сёма. Он написал в письме, что идёт «мстить за нашего Яшу!» За моего деда. И опять память мамы рисует картинку: он садится в вагон поезда, тот трогается, и с высунувшейся головы новобранца ветер срывает кепку. Бабушка Этля обречено говорит: «Он не вернётся, такая примета». Будь прокляты на свете все эти приметы! Я уже писал, он пропал. Бедный «мизинкл», как называла его безутешная мать. Но и жизнь брала своё, в сентябре 43-го, родился Валик! Тот самый, который зовёт меня и сегодня, как тогда, на Дальнем Востоке, «Сашка». А когда я ему звоню, то слышу, как теплеет его голос, и я понимаю, что я не один, со мной мой Валик.

А ведь его чуть не постигла судьба старшего брата, он заболел той же болезнью, и по всему не было ему спасения. Но тогда моя бабушка Поля пошла в аптеку и нашла сульфидин, принесла его и спасла племянника. Логично спросить, в чём её подвиг? Отвечаю, до аптеки надо было идти 20-ть километров туда и столько же обратно. Найти лекарство было невозможно, но и вернуться без него нельзя. И ещё, опоздай она на пару минут, дали бы ей срок минимум 5 лет за опоздание на работу, и тогда никто бы не посмотрел, что у неё двое своих детей. Но, кажется, судьба, изрядно проредившая нашу семью, наконец-то оставила её в покое. И попрощавшись с Уралом, они вернулись на Украину.

Я хотел было постепенно завершить эту часть 45-м победным, но вспомнил один разговор с дядей Колей. Я спросил его о том, как хороши были наши самолёты Ильюшина? Он похвалил эти машины, но тогда я спросил его: «Отчего же на них так часто бились курсанты?» Об этом рассказывала и бабушка, и мама. Им приходилось это видеть самим. Его ответ меня обескуражил: «Саша, лучшие машины шли на фронт. А нам отдавали уже вылетавшие свой ресурс. Вот откуда аварии. А машина хорошая!» Вот вам и тыл! Так что и он уходил на полёты, а вернётся ли, не знал никто. Вот теперь, когда и вы знаете, какую цену заплатила наша семья, можно сказать «45-й!». Победа!

В послевоенное время дядю Колю отправили служить в Германию. В альбоме мамы я раньше находил замечательные открытки, отпечатанные в Лейпциге, где находился его авиаполк. Из предыдущих рассказов понятно, что дядя Коля был добрый и щедрый человек, но расточительности не терпел и цену копейке знал с младых ногтей. Попадая служить в Германию, он постарался приобрести в дом немало необходимых вещей, которые стали основой их дальнейшего домашнего благополучия. В то время у них появилась: швейная машина (тётя Броня была великолепной портнихой), несколько ковров, посуда. А у Валика долго хранилась, перейдя по наследству ко мне, самая лучшая в мире игрушечная железная дорога фирмы „Piko“. Не забывал дядя Коля и о племяннице, то есть о моей маме, к которой привязался за годы эвакуации как к родной дочери. Он старался регулярно присылать ей ткани на платья.

В последнее время, в различных репортажах и документальных фильмах часто выставляют солдат нашей армии, как стадо, обезумевших от жадности мародёров. Глупо отрицать, что были и такие. Хотя мы, подчас, спешим признать вину и посыпаем голову пеплом в большей мере, чем армия противника. Я не оправдываю грабёж, но эти строки я пишу потому, что знаю безупречную, подчас излишне, честность дяди Коли. И утверждаю, что он в жизни и иголки чужой не взял. Всё, что он присылал, куплено за его кровные.

А тётя Броня осталась жить с сыном у бабушки Этли, которая стала в то время, главой нашей семьи. «Должность» эта, сами понимаете, была не из лёгких. Спасшиеся после войны семьи детей, стали понемногу жить своими интересами. Бабушка взяла под свою защиту и опеку мою маму и её брата. Я уже однажды писал, что она безумно горевала до последних дней её жизни о гибели их отца, моего деда. Кроме всего прочего, ей приходилось мирить своих троих сильно запивших сыновей, ругаться с их жёнами и напоминать и тем, и другим, чтобы дали ей немного денег, не для себя, для внуков-сирот.

В это непростое послевоенное время и тётя Броня жила у неё с Валиком. Мама рассказывала, что к тёте Броне ещё долго возвращались её прежние красота, сила и здоровье. Немало времени проводил Валик с бабушкой. Когда он чуточку подрос, то ему поручали пасти гусей. Малыш явно не мог справиться, и тогда ему давались команды на идише, который, кстати, он тогда хорошо понимал: «Валик, налево! Нет, теперь направо!» Он плакал от досады и жаловался: «Бабушка, они меня не слушаются!» Бабушка Поля, спасшая его во время войны от верной смерти, очень любила и жалела его. Особенно от того, что он сильно голодал. А он жаловался и говорил ей: «Полька, немка-бандитка, я от тебя вчера уеду! Ты не даёшь мне каши, хлеба! Не стричкай меня!» Эти семейные предания при мне часто вспоминались со смехом, и я, будучи мальчишкой, смеялся вместе со всеми. Но сейчас, когда мне самому почти 62 года, прихожу в ужас.

Необходимо пояснить и последнюю просьбу — не трогать волосы Валика. Она связана с тем, что моя бабушка, оставшись после войны без мужа, без специальности, да ещё и с двумя детьми, пошла работать парикмахером. А через два года к ней посватался одинокий мужчина, бывший её земляк, только что вышедший после 10 лет тюрьмы. Надо пояснить: причина его «посадки» связана с тем, что «подсунув» ему якобы ворованную кожу для обуви, его осудили, таким образом государство убрало с пути конкурента, плюс — он трудился на него бесплатно 10(!) лет начальником обувного цеха. И бабушка вышла во второй раз замуж. Она была по-прежнему красивой, и после войны ей предлагали выйти замуж, но все «соискатели» предлагали оставить её детей на попечение бабушки. Такие претенденты уходили ни с чем, а этот мужчина хотел прежде всего иметь семью. Поэтому она согласилась. Но пожить в домашнем кругу им не дали, он не имел права жить в областных городах, а поэтому бабушке пришлось ещё долго поскитаться с ним и по Украине, и по Молдове. Таскать двух детей было трудно, и моя мама жила у бабушки Этли с тётей Броней и Валиком. Надо сказать, что все дети: мама, её родной брат Фима, Валик и другие двоюродные братья и сёстры, — жили дружно, вместе играли, проказничали, ходили в школу. При этом авторитет моей мамы, как старшей сестры, был ещё долгие годы непререкаем. Так прошло несколько лет, мама закончила школу и строительный техникум. А в 1951 году у дяди Коли кончился срок службы в Германии и он вернулся на Родину. Здесь его ждало новое место службы, это был авиаполк транспортной авиации, который дислоцировался в городе Белогорске Амурской области. Ему доверили должность заместителя командира полка, сначала он был майором, а в мою бытность он заслуженно носил погоны и высокое звание подполковника.

Ситуация складывалась непростая. Скитаниям бабушки Поли, её мужа и Фимы, казалось, не было конца, а теперь по окончании техникума судьба моей мамы была не ясна. На помощь пришли, конечно, наши безотказные и верные тётя Броня и дядя Коля, которые предложили маме поехать вместе с ними к их новому месту службы, и она с радостью

согласилась. Так и оказалась моя мама вдали от родного Житомира на другом конце нашего континента.

Тёте Броне теперь предстояло выступить в новой для неё роли — жены заместителя комполка. Должность мужа была немаленькая: авторитет, репутация, доходы, — всё теперь было уже на более высоком уровне, и ему надо соответствовать. К тому же в такой ситуации в твоей жизни появляются не только друзья.

Надо сказать, что с этой ролью тётя Броня справилась безупречно. Перед глазами её фотография тех лет, она стала старше, но казалось, что она стала ещё красивей, а умение со вкусом одеваться ещё более подчеркивали её привлекательность. И что любопытно, что её наряды обходились очень недорого — тётя Броня была превосходной портнихой, умевшей всегда оставаться в курсе последних новинок. Но это не единственное качество, необходимое жене старшего офицера, необходимо уметь себя достойно вести. И надо отдать ей должное, что она была образцом скромности, гордости, достоинства. Она умела промолчать, где это было нужно, но уж если она должна была высказать своё мнение, то делала это открыто, соблюдая правила хорошего тона, не заискивая, принципиально. Было бы большой ошибкой забыть о таком таланте тёти Брони, как великолепное знание людей и потрясающая интуиция, умение предвидеть и вовремя избежать сложных житейских (и не только) ситуаций. Врать ей или пытаться её перехитрить было практически невозможно. За это её в шутку называли «чекисткой», намекая на то, что она короткое время успела поработать сотрудницей НКВД. Но в конце 30-х годов такое место работы чести человеку не прибавляло, вскоре какая-то из её знакомых «настучала» на тётю Броню, и советская контрразведка потеряла очень перспективного сотрудника, зато семья сберегла честь. А поводы для того, чтобы постоять за честь семьи, жизнь предоставляла регулярно.

Особенно понадобились эти качества в начале 50-х годов, когда в нашей стране началась кампания «против безродных космополитов», это было новое название для старинной русской забавы «охота на евреев». И дядю Колю, в самый разгар травли (т. е. в декабре - феврале 52-го года) партийная комиссия пригласила в штаб полка, где ему предложили либо оформить развод с женой, либо проститься с партбилетом. Должен сказать, что верность идеалам юности не были для обоих пустым звуком. И партбилет для дяди Коли был также ценен, как и для политрука Сенцова из романа Константина Симонова «Живые и мёртвые». Я был сам свидетелем, каких душевных переживаний стоило ему всё, что происходило с партией в 90-х, они с тётей Броней, повторяю, жили и верили. Но тут ему предлагают отказаться «от его Бронечки»?! И он сказал, что не сделает этого, чего бы это ему не стоило! Они и 14 лет спустя оставались теми же Ромео и Джульеттой! Слава Богу за то, что эта грязная страница нашей истории закончилась, так и не начавшись. Но я готов голову положить на плаху, что, случись ему пойти на этот шаг, он бы его сделал, без лишних слов.

А в завершении темы «НКВД», я выскажу такую спорную мысль, что вышеназванные таланты оченьгодились сыну тёти Брони — Валику. Не раз она предостерегала доброго и великодушного сына от неосторожных шагов и сомнительных людей. Одно слово — Ангел хранитель! И хотя жить умом других людей глупо, но если бы её дочь чаще прислушивалась к её советам, то это могло бы помочь избежать ей многих ошибок.

Когда вся история с членством в партии благополучно завершилась, мудрый дядя Коля писал письмо моей бабушке Поле, чтобы она «не волновалась за дочку», и обещал «выдать Антиду замуж «за аида», то есть за еврея. Умный и великодушный человек, он понимал, что в жизни может случиться всякое.

Когда дяди Коли не стало, я стал чаще задумываться о его человеческих качествах, и лишний раз прихожу к выводу, что его человеческие качества тесно сплелись с неписанным кодексом поведения русских офицеров. Он для меня своего рода камертон порядочности человека, сына, мужа, офицера.

Я очень горжусь тем, что этот экономный на эмоции человек, принял мою жену. Хвалил её за то, что она хорошая хозяйка. А я, в свою очередь, горд тем, что, как и тётя Броня, привёл в нашу большую (заметьте, как и в прошлый раз, я намеренно не пишу еврейскую) семью ещё одного верного человека.

Вот прочитаны предыдущие строки, и перед глазами встаёт образ человека без недостатков, совсем уж марципаново-сладкий. Тот, кто думает так, мягко говоря, заблуждается. Добрейший дядя Коля был таковым в поступках, и эти качества люди ценят вполне справедливо на вес золота. В минуту испытаний в «дядях Колях» можно было измерять человеческую надёжность. Но когда дело доходило до простой мудрости, гласящей, что «доброе слово и кошке приятно», то тут его система, как сейчас принято говорить, давала сбой. Всеми есть своё объяснение. Во-первых, его собственное детство было не очень «золотым», он ведь родился в 1918-м году. Голода, бедности он навидался. Во-вторых, после окончания лётного училища он стал командиром (в ту пору слово «офицер» относилось только к врагам нашей страны). Но клише «солдафона» никак к нему не подходило. Самое замечательное впечатление в их доме у меня оставила большая, с любовью собранная библиотека. Первые книги появились в ней ещё в годы войны! Это помнила ещё моя мама. Раньше таких грамотных профессионалов было принято награждать эпитетом «военная косточка». Была и третья причина — специальность лётчика, которая плохо сочетается с безалаберностью, расхлябанностью и разгильдяйством. Дядя Коля сам был аккуратен, бережлив, чистоплотен, подтянут, хорошо организован, рационален. К тому же, повторюсь, безукоризненно честен и порядочен. Я не знаю, каким он был командиром, уверен, что требовательным. Но судите сами, если и по окончании службы в армии его подчинённые ещё долго ездили к нему в гости, ценили его мнение и суждения по разным вопросам. А между тем, среди них были и ветераны войны. На его парадном мундире было множество орденов, но я знаю только, что две «Красных звезды» он получил за ночные полёты «вслепую». Значит, его и ценили, и уважали. В отношении домашних его требовательность носила подчас избирательный характер. Вот теперь самое время написать об этом, как и обещал, чуть подробнее.

К женщинам дядя Коля проявлял вежливость и заботу, а к мужчинам был строг и требователен, вероятно, усматривая в них будущих солдат. Логично и понятно, но не всегда приятно оказаться объектом спартанского воспитания. На первом месте по снятию стружки стоял Валик. Этот бриллиант дядя Коля шлифовал примерно до лет 42-43-х, пока в семье не появилось долгожданное чудо — моя сестра Иванка. Что характерно, сколько бы он не «воспитывал» уже и взрослого сына, я ни разу в жизни не слышал от последнего ни единого непочтительного слова в адрес старших!

В более зрелые годы дядя Коля сменил гнев на милость. Однажды моя мама передала его слова о Валике: «Он добрый, он в Вас!» Он имел в виду родню тётки Брони, семью Берентов. Сейчас я стал понимать, что он и сам был добр, а строгость, требовательность были желанием видеть близких людей на уровне. Но дядя Коля не жалел насмешек, обидных кличек, а так как я, вы уже поняли, не похож на молчуна, то и терпения и выдержки мне не хватало. Меня дядя Коля впрямую и не атаковал, зная, что я начну верещать от обиды, а когда придёт тётя Броня, ему придётся оставить поле битвы со спущенными флагами.

Однажды мне довелось случайно слышать, как он ехидно высказался в споре со вторым мужем моей бабушки. Тот читал Хрущёва, открывшего ворота сталинских лагерей. Но, как известно, армия от него натерпелась, и не очень-то жаловала. И вот Никиту сняли, и тогда дядя Коля, не сдержавшись, спросил оппонента: «Ну, что? Сняли твоего любимца!» Помните, я писал, что политика, так или иначе, вплеталась в нашу жизнь. По счастью, оба были умудрёнными жизненным опытом мужчинами, чтобы всерьёз ссориться по этому поводу.

Сестричка Ниночка

Сейчас, припоминая, я нахожу двух людей, которых он не прорабатывал: первый — это мой папа. Несмотря на разницу в званиях и возрасте, дядя Коля ценил отца за преданность семье, умение ладить с людьми, любовь к детям и главное, к его любимой племяннице, моей маме. Об отце я писал уже довольно подробно, и тот, кто будет читать эти записки, вполне может представить его портрет.

Кто же был второй человек, который находился вне острого взгляда дяди Коли? Это была Ниночка! Кто-то воскликнет: «Эка невидаль! Мы что, не видели «папенькиных дочек»? Да сколько угодно таких, которые из отцов верёвки вьют». Бывает и такое, но в том-то и дело, что она была действительно идеальным ребёнком: сообразительным, смелым, послушным, успешным, с первого и до последнего дня проучившимся на «отлично», получившим золотую медаль. Учителя не могли нарадоваться её успехам. Занимаясь спортивной гимнастикой, она получила звание КМС. В классе её уважали даже те девчонки, которые завидовали количеству её воздыхателей. С класса 6-го ей был не ведом вес её портфеля, потому что за честь его носить шла нешуточная борьба (подчас в прямом смысле слова). Дядя Коля был горд младшей дочкой и порой ставил её в пример всем остальным.

Как и полагается, школьные годы промчались быстро, блестяще сдав один экзамен в Киевский университет, она выпорхнула из родительского гнезда. Скольких усилий это не стоило, но через год состоялся междугородний обмен, и они снова зажили все вместе. Однако год без родительского ока её заметно изменил, родители подчас находили в ней черты, которых либо раньше не было, либо они их не замечали. Студенческая жизнь была не в пример школьной легче, вернее, она воспринимала её легкомысленней. Первые в жизни тройки она объясняла тем, что «Мы так устали за последний учебный год, что решили расслабиться». Вы уже заметили это местоимение «мы», и это не случайно. Когда Нина сдавала вступительные экзамены, её увидел красивый светловолосый парубок, сразу сказавший: «Эта девушка будет моей женой!»

Забегая вперёд, скажу, у меня нет ни капли сомнения, что он без памяти любил её. Уже после развода, приехав в командировку в Ленинград, он пришёл к нам в гости. Когда мы остались одни, Сергей рассказал мне, что они хотят после 8 лет разлуки снова жить семьёй. Их сыну был нужен отец! Но ещё более понятно было, что и он не мог без Нины жить. Я тогда не воспринял эти слова всерьёз, а зря. Через несколько дней он разбился на самолёте под Мозырем, когда возвращался в Киев из Ленинграда. И я оказался практически одним из последних людей, кто с ним разговаривал. Буквально через пару недель после этой трагедии мы с моей юной женой приехали в свадебное путешествие в Киев. Нина встречала нас на вокзале, там она и подтвердила его слова. Но ничего уже было не вернуть... Семь лет спустя, мой младший сын гостил у неё, и мы говорили с ней по телефону. Забавный мальчуган явно нравился ей, и тогда-то я услышал: «Ты же знаешь, это моё любимое имя!» Моего младшего сына тоже зовут Сергеем, но, Господи, защити его от такой судьбы!

Это всё произойдет гораздо позже, а тогда им было по 19 лет, само собой, житейской мудрости нуль. Он настаивал на женитьбе, она просила его не спешить. Они поженились, но Нине это было не по душе. Неизбежные разногласия между собой и с родителями они обсуждали на повышенных тонах. Самое обидное, что им было на роду написано быть вместе, но упрямство, глупый детский эгоизм стали на тот момент непреодолимой преградой. Вскоре родился их сын Андрюша, но Нина оказалась в тот момент не готова к роли матери. Да и её родители, желая ей помочь закончить ВУЗ, взяли на себя воспитание внука. И это обстоятельство тоже отразилось на судьбах всех троих. На беду молодые родители оказались на вторых ролях и не смогли стать для своего сына авторитетом. Через несколько лет Нина вышла второй раз замуж. О её втором муже я уже писал в первой части хроники, посвящённой 87-му и 90-му годам. Брак этот был ещё более несчастливым и стоил ей невероятных нервных сил и здоровья. И хотя я считал, что непосредственная причина её раннего ухода — Чернобыль, но сколько крови «попортило» ей это второе супружество?

А теперь остановимся на секунду и задумаемся, а каково же было уживаться с этим дяде Коле и тётё Броне? Нет таких слов, чтобы передать их горечь и обиду! Они любили друг друга и других отношений не воспринимали и не признавали. Дядя Коля был разочарован, ему было обидно, что его дочери не везёт. И он, подчас теряя терпение, довольно резко высказывал своё мнение. К сожалению, ни я, ни Нина не унаследовали от Валика его почтения и терпения к словам старших. Поэтому Нина и дядя Коля ссорились, горевали и мирились, а через некоторое время снова сходились в центре ринга. Дядя Коля, к слову сказать, никогда не бранился, чем, Господи прости, отличался от моего отца, выросшего среди василеостровской шпаны. Но для двух боготворящих друг друга людей, а Нина и дядя Коля и были таковыми, и одного резкого словца, подчас, было достаточно. Но кто-то мне справедливо заметит, что так живут многие семьи, и они будут правы. Могли ли тётя Броня и дядя Коля ожидать, что на их зрелые годы выпадет такая доля!

Первым страшным ударом стал уход Ниночки в 36 лет! Я уже писал об этом событии и описывать подробности, простите, просто не смогу. Знаю только, что уходила она из жизни с тревогой за сына, а её последним словом было «Па» (папа). И эти два обстоятельства наложили свой отпечаток на всё последующее течение жизни этой прекрасной семьи.

Андреечка

Тревога за сына возникла не пустом месте, она как огня боялась того, что сейчас называют деликатным словом *зависимость*. Не знаю, были у неё какие-то основания, но она говорила об этом вслух, страх не давал покоя в последние месяцы жизни. К всеобщему горю, сбылись её самые мрачные предчувствия. После смерти матери и ухода отчима, Андрей почувствовал себя колобком, ушедшим и от бабушки и дедушки, которые уже более не были авторитетом для него. На пути болезни уже не было препятствий, и она развернулась во всей красе, со всеми её социальными, точнее асоциальными проявлениями. Ужиться в одном доме с таким человеком двум пожилым людям было едва ли под силу. И хотя оба были не из робкого десятка и прошли достойно такие жизненные испытания как голод, потери близких, но, видимо, мотор дяди Коли вылетал свой ресурс (как самолёты в годы войны). Потеря дочери и поведение внука окончательно подорвали его силы. Через 4 года не стало смелого, сильного, честного человека, который как-то сказал мне: «Я думал, что всю жизнь буду молодым». А я помню его в пилотской кожанке, которую он передал Валику, и поэтому утешаю себя тем, что он просто ещё не вернулся с полётов.

Но всё это свалилось на плечи тёти Брони и Валика, конечно в первую очередь именно на него. И как они, бедные, не старались вызволить Андрея из этой трясины, как не старался он сам — всё тщетно! Кто может остановить курьерский поезд, идущий на полной скорости с горы в пропасть? То-то! Всем происходившим они не часто делились с нами, кому охота рассказывать такое о своём внуке? Но ведь и нам, особенно мне, он был не чужим! У меня перед глазами вставал смешливый и шkodный подросток, веселившийся на моей свадьбе.

Однажды он пришёл домой и случайно застал там не бабушку, а мою маму, которая гостила тогда в Киеве. Она первая заговорила с ним, а так как она обожала его, быть может лишь на тысячную долю меньше меня, без тени укора спросила его: «Андрюша, что же ты так мучаешь бабушку и себя! Ты же понимаешь, как ей тяжело жить?» В ответ он поднял свои брови, и мама увидела все следы, сопровождающие эту страшную болезнь, а потом он задал ей вопрос, после которого мама не могла сдержать слёзы, впрочем, как и он сам, он просто спросил: «Тётя Антида, а ты думаешь я живу? Разве это жизнь?!»

В феврале 2009-го Валик позвонил мне и сказал, что Андрюша больше нет, он утешал меня тем, что он оставил этот мир без мучений. А я понимал, а главное — чувствовал, как исстрадался он сам, его семья и, главное, наша любимая тётя Броня!

Валик и его семья

Вот такие воспоминания и переживания невольно всплывали в моей памяти по пути из моего родного Житомира в не менее родной и любимый Киев. Я предвижу, что кто-то уже и забыл, что в моих записках глава «Киев» начиналась как цель путешествия на Украину всей семьёй, предпринятого в августе 2010-го. Но я отношу это за счёт моего непрофессионализма и заранее прошу у читающих прощения. Приношу также мои извинения, что писал и буду дальше писать «На Украине», а не «В Украине». Это не оскорбление, не шовинизм, а многовековая привычка.

К тому моменту я не был на Украине 20 лет. Итак, когда мне сказали, что есть возможность повидать моих самых родных и близких людей, то я буквально задохнулся от предвкушения возможной встречи. Мы должны были уложиться в три дня, а это не просто. Но нас выручало то, что в наших планах были только два «железных» пункта. Встреча с тётёй Броней и с семьёй Валика. Пунктом номер два — поездка в Житомир. И то и другое — мой долг перед сыновьями. Они должны знать, откуда их корни. Забегая вперёд, скажу, это путешествие превзошло все мои ожидания. Путешествием в Житомир я начал вторую часть семейных хроник. Но моё повествование будет неполным, если перед этим я не напишу об одном разговоре с тётёй Броней, который произошёл в первый вечер. С вашего позволения, я опущу впечатления о поездке через Белоруссию, точнее расскажу об этом позже.

Это было символично, но мы въехали в Киев в годовщину нашей свадьбы, воспоминания о которой во многом были связаны с этим городом. Нам предстояло там быть 3 дня! Это придавало нашей поездке ощущение подарка. Проезд через черниговскую таможню прошёл в лучших традициях анекдотов об украинских таможенниках и пограничниках. Но если с меня, наследники Чичикова, сумели содрать «барашка в бумажке», найдя незначительную ошибку в документах, то уж Даішники остались несолоно хлебавши. Младший сын выдержал схватку с ними, но отступного им не заплатил. И вот мы проезжаем Бровары, а это уже пригород Киева, а затем мы, наконец, и в самом Киеве. Вы думаете, что это всё? Никто из моих парней не знает дороги, а ехать надо быстро. Мы проезжаем знакомые места, и я припоминаю направление. Мой внутренний навигатор оживает от того, что Серёжка знает домашний адрес, а Антон успевает на весьма рискованной скорости правильно принять решение! Оказалось, что мы хорошая команда и мы уже почти у цели. По дороге увидел в центре города табличку вул. Петлюры! Печально. Наконец-то, примерно в 18 часов, мы стояли перед воротами, ведущими во двор, из которого выезжает автомобиль, и Серёжка радостно восклицает: «Это автомобиль дяди Валика!» Он нас не увидел, но это не беда. Увидимся позже. Нужную нам квартиру мы нашли нелегко, дом большой, планировка непривычная. На пороге квартиры стоит тётя Броня, и она восклицает: «А Валик только что был здесь» Мы настолько сильно устали, что после великолепного ужина парни и Галя, мгновенно засыпают. Не удивительно, позади 1250 километров! Тем временем у меня сна ни в одном глазу. Я так счастлив видеть обожаемую тётю Бронечку, что нет такой силы, которая смогла бы меня уложить спать! Разве что, она сама споёт мне «Спи, моя радость, усни». Наговоримся ли мы? Встаёт ещё один вопрос — сумеем ли мы найти общий язык так же легко, как и прежде. Сумерки незаметно и плавно превращают день в живописно-красивый украинский вечер, почти ночь. Мы столько лет говорили друг с другом только по телефону, высчитывая минуты, а главное, нам есть чем поделиться. Как не говори, а 20 лет разлуки, немалый отрезок жизни. Она живет в новой квартире, но, похоже, всё как было раньше: книги, картины, даже подушки на диване перекочевали сюда ещё с Дальнего Востока. Тётя Броня подробно расспрашивает о маме, которая осталась под присмотром моих добрых друзей и знакомых. Вспоминает, со вздохом горечи утраты, папу, расспрашивает меня о моей работе и жизни в Германии, я ей рассказываю всё как есть. Хвалю фирму, коллег и порядок, в котором жить комфортнее. На последние слова следует отповедь, смысл которой прост «Нечего тебе всё время их хвалить». Она хочет понять, что изменилось во мне самом.

Как я и ожидал, она осталась верной прежним взглядам и убеждениям, а значит, может вспыхнуть дискуссия, которая никому не нужна. В тоже время, просто поддакивать ей нельзя, она для этого слишком проникательный человек. Для меня эта дилемма становится поводом лишний раз подумать, а так ли она неправа?

Я осторожно расспрашиваю тётю Бронечку о политической ситуации на Украине и понимаю, что за возрождение СССР стоят коммунисты и социалисты. Я задумываюсь на мгновение и начинаю своё размышление со слов, что «марксистско-ленинский анализ подвергся мощной критике (и не без оснований), но ничего взамен пока историки и философы не предложили». Я вижу, что лицо тёти Брони светлеет и понимаю, что попал в десятку. А когда я сказал, что «единороссы» жонглируют левой фразой, а на деле защищают интересы крупного капитала, то понял — так держать! Закончил я размышления тем, что эволюция гуманней революции, но я признаю право народа на вооружённую борьбу. То, что тётя Броня разделяет мою точку зрения, мне стало ясно после её слов, которые дорогого стоят: «Хоть ты и не учился в аспирантуре, но знаешь не меньше тех, кто себя объявляет учёными». Мы оба сошлись на том, что рядовые коммунисты, как дядя Коля, мой дед и мой отец, очень достойные люди, могут быть примером и сегодня. С того разговора прошло более чем 8 лет, но я и сейчас не жалею о нём. Так ли уж я противоречил своим сокровенным мыслям? Нет! Если я и не в рядах ленинцев, то всё равно мне удалось выразить всю степень моей благодарности этому поколению. Был бы рядом отец, он бы точно согласился со мной. Я очень хорошо помню, как он аккуратно и деликатно учил меня, что политические разногласия не должны быть причиной раскола в семье. Эту же точку зрения я завещаю своим детям, и дай бог, моим внукам.

Тем временем проснулись мои домочадцы, и тётя Броня кормит нас ужином на кухне. До сих пор мы вспоминаем, как она высмеяла нас за яичницу из двух яиц и заставила сделать из четырёх! В благодарность мы устраиваем ей тут же на кухне мини-концерт. Я спел ей две песни из кинофильмов «Добровольцы» и «Особо важное задание». Строки «а годы летят» и «такой у нас характер» подходят, как никогда, к нашему общему настроению.

Поздним вечером пришли дочери Валика, они приглашают Антошу и Серёжу пройтись по вечернему Киеву. Я немного завидую сыновьям, их ожидает удивительное зрелище. Я видел много больших и красивых городов, но этот город в летнюю пору может поразить любого человека! Меня радует и то, что это не банальная экскурсия, девочки приглашают их познакомиться со своими близкими друзьями. И несмотря на беспокойство Гали, ребята уходят в компании своих тётушек. Да-да, Иванка и Маричка их тёти! Тётя Броня мудро успокаивает Галю, и та отпускает с миром сыновей. Внучки тёти Брони очень симпатичные: старшая являет собой воплощенную копию дядя Коли, а младшая — копия красавицы мамы. Тётя Броня радуется, что малыш Серёжа вытянулся и возвышается вместе с Антошей над нами. А я иду спать с чудным настроением.

Два волшебных дня пролетели, как один миг. Сегодня день третий, Валик приедет за мной, и мы проведём его в загородном доме. Ночью мы должны выехать назад в Питер. Наше путешествие ещё не кончилось, но я знаю, что в моей жизни это были одни из самых счастливых дней. На тот момент мне уже 54-ый год, я хорошо понимаю, что эта встреча может стать для каждого из нас последней, но, как и мои предки, я говорю себе: «На следующий год в Иерусалиме!»

Вот заканчивается наше паломничество в Киев. С утра Валик заехал за нами на машине и ждал нас, пока мы простимся с тётей Броней. Думаю, у всех у нас была мысль о разлуке, но тётя Броня, продолжая оставаться маяком оптимизма, не допустила превращения проводов в похороны. Мы, беря с неё пример, благодарно и легко простились с ней. Мы лишний раз

убеждаемся, что не напрасно пели ей накануне песню Гурченко «Такой у нас характер». Это точно про неё.

Валик посадил нас с Галей к себе, а парни едут за ним следом на нашей машине. Вспоминая сейчас этот день, у меня возникает такое чувство, что он собрался нас одарить всем, на что, даже случайно, падал наш взгляд. Не подумайте, что это было только в тот раз. В нашей родне жадность считается смертным грехом № 1! Но если бы существовал чемпионат мира по щедрости, то первое место на нём бы занял Валик! Это факт! До меня доходили легенды, как он ещё на Дальнем Востоке, приходя в гости к моим родителям, уносил с собой полдома продуктов! Когда он учился в Киеве, и дядя Коля с тётей Броней навещали его, мне самому приходилось быть свидетелем таких диалогов: «Валик, а где твой плащ?» Ответ: «А дал Петьке (можно подставить любое имя) поносить!» Кто-то скажет, что он транжирил деньги родителей. Ошибаетесь, любезные! В ту пору, когда он стал зарабатывать сам, мне были подарены джинсы, продав которые можно было жить на эти деньги целый месяц. Я пишу эти строки не потому, что хочу спеть ему юбилейный панегирик. В любой другой ситуации, если я попытаюсь ему сказать это при встрече или по телефону, он не даст мне сказать слово. Скорее всего, попытается меня отвлечь каким-либо вопросом «Ты мне лучше скажи, а как там.....?» Мы до сих пор вспоминаем, как он два раза отдавал нам своё жильё, когда мы приезжали в отпуск в Киев (первый раз в свадебное путешествие, а второй раз уже с Антошей в 1985 году). Есть примеры и посерьёзнее, подобно его отцу, спасшему во время войны от голодной смерти мою маму и моего дядю, Валик дал деньги на операцию моей Гале. И этот долг мне ему никогда не вернуть. Я хочу, чтобы мои дети и внуки помнили об этом и равнялись на него.

А пока мы подъехали к одной из его работ, и он повёл нас в свою любимую кофейню. Нас угощали каким-то фантастическим кофе с великолепной выпечкой. Мы выходим из кафе и любимся Киевом. Этот город никогда не может утратить своей красоты, с годами он может быть только лучше, а став столицей независимого государства, тратит немалые средства на благоустройство. Я не только неплохо знаю историю Киева, но и люблю этот город, я люблю Украину! Валик знает и ещё более чувствует это. Он вообще многое может сказать обо мне. Им с тётей Броней доставляет радость знать, что у меня сложилась счастливая семейная жизнь. Он очень болел душой, когда мы пустились в рискованный эксперимент (не сказать авантюру!) и отправились в мои 47(!) лет искать удачу за рубежом. Я помню, как уже опаздывая на автомобиль, который вёз нас к международному автобусу, вдруг услышал звонок. Это был конечно же Валик, он благословлял меня на этот шаг. Потом он попросил передать трубку маме, что-то ей сказал, и она выдала мне 200 или 300 долларов (точно не помню). Оказывается, это была его просьба. Он обещал ей их вернуть. Как они намгодились! Когда мы только приехали в Германию, именно он стал первым, кто сумел дозвониться нам на мобильный телефон, а ведь мы не прожили и двух недель. Как нам было всё непонятно и чуждо, а тут родной голос! Дорога ложка к обеду!

Мы едем за город, где находится его дом, о котором так много говорили мои родители. Дом, который построил Валик! По дороге мы обсуждаем семейные дела, он с юмором говорит: «Мы с тобой романтики, Сашка!» Я дополняю его мысль: «При наших жёнах мы можем себе это позволить!» По пути мы заезжаем на рынок, и тут начинается карнавал подарков, Валик спешит одарить нас буквально всем: он купил нам пневмотермосы, домашнюю утварь, два (!!!) киевских торта, две банки гречишного мёда (откуда он знает, что это мой любимый сорт?) и, как вершина, огромный шмат настоящего украинского сала! Теперь можно ехать. По пути я задаю ему один трудный для нас обоих вопрос о посещении кладбища. Валик успокаивает меня, он понимает, что эта тема трудна для нас всех, и бережёт наши душевные силы.

Мы подъехали к дому, где нас ждал такой приём, что нам и не снилось. С той поры прошло ровно 8 лет и многое, к сожалению, уже выветрилось из памяти. Поэтому хронологические

неточности допустимы, фактические — нет. Воспоминания хранятся в памяти не в виде ленты времени, а скорее подобно яркой мозаике или узорам калейдоскопа. Как и положено хозяину, Валик показывает нам свой дом. Чувствуется, что это его любимое детище и ему есть чем гордиться. Я видел за рубежом и более богатые дома, но в этом всё сделано для конкретных людей. В нём и красиво, и уютно. Здесь живут хлебосольные и творческие люди, с выдумкой и хорошим вкусом. Не стоит забывать, что жена Валика руководит фольклорным ансамблем «Веснянка». И в подтверждение этих слов нас наряжают в костюмы из эпохи средневековой Руси, спитые самой Славой, лучше всех на снимках вышла Галя. А мы привезли с собой гитару и поём вместе с ними. Антоша играет профессионально, а Маричка с Серёгой весьма недурно поют. По-всему видно, Валику нравится наша компания. Он готовит с нами еду, о которой я читал только в дореволюционных книгах! Попутно он рассказывает о своих научных исследованиях, в разговор включается Серёга и демонстрирует, к моему удовольствию, хороший уровень эрудиции и выказывает себя достойным собеседником.

Приходит и моя очередь отвечать на вопросы о работе. Валик гордится тем, что я за рубежом не растерялся. Он убеждается, что я наконец-то могу достойно и самостоятельно содержать семью, взять на себя помощь родителям. На работе меня ценят и в городе я заслужил доброе имя и хорошую репутацию. Валик умеет радоваться всему этому от того, что наделён от бога этой редкой способностью — радости за других. У него хватило времени и для Антоши. Быстро убедившись в том, что перед ним толковый молодой человек, Валик обращается к нему с просьбой закончить ВУЗ, более того, он обещает поддержать его материально. И Антоша обещает подумать. Самое радостное, что эта беседа имела счастливое продолжение. С лёгкой руки Валика, в 2016-м наш старший сын получил диплом инженера.

Пока это всё приходит на ум, огромный стол постепенно превращается в скатерть-самобранку, а я ещё не выполнил главной задачи. Мне нужно, во что бы то ни стало, чтобы Валик рассказал ребятам о себе.

Когда-то в 1985-м году мы остановились на его квартире, и он зашёл нас поведать, нужна ли нам помощь. Вот тогда-то я впервые стал его расспрашивать о спортивной карьере, о работе в качестве дипломата. И узнал, надо сказать, массу интересного, чего нигде не прочтёшь. Мне самому не раз хотелось стать студентом или аспирантом Валика, поучиться у него иному уровню мировосприятия. Особенно после собственного опыта работы со студентами. И упустить сейчас, 25 лет спустя, этот шанс было бы, по меньшей мере, большой ошибкой в отношении моих сыновей. Когда им ещё доведётся встретить в одном лице спортсмена и юриста-международника, политолога и советника в кандидаты президента, поэта и тренера. Я увидел в его кабинете книгу Михаила Делягина и оценил уровень его компетенции, лишь потом я узнал, что этот экземпляр подписан самим автором. Среди студентов Валика и Олег Блохин, и Михаил Саакашвили, приглашавший его к себе ещё в бытность президентом Грузии. А ещё раньше он был знаком с Николаем Караченцовым. Надо сказать, что благодаря моей профессии (а я с 1995 года связан с практической психологией), я стараюсь деликатно ставить вопросы Валику. И мы узнаём о нём всё больше и больше неожиданного. Но перед этим мы всё-таки не можем не сесть за великолепно накрытый стол. Он так красив, что брать еду просто преступление. Но всё так вкусно и аппетитно приготовлено, что оставить это нетронутым — преступление вдвойне. После такого пира впору забраться под стол, как тот волк из мультика¹⁵, мы выходим на улицу, садимся около бассейна, и Валик рассказывает о том, как он стал регбистом № 1 на Украине. А я ему рассказываю о том, как, побывав на его матче с московскими спартаковцами, привёз эту игру в наш двор, и мы половину лета играли в регби. Этого он не знал, удивлён. Продолжаем. Когда-то Валик пожалел, что я не попал в армию. Он считал, что мне этого не

¹⁵ Советский рисованный мультипликационный фильм «Жил-был пёс» (1982) режиссера Эдуарда Назарова. Снят по сюжету украинской народной сказки «Сирко». Первоначальное название мультфильма — «Собачья жизнь».

хватало. Сейчас я спрашиваю его, довелось ли ему служить. Он называет такой род войск, что я замолкаю. Он улыбается и говорит: «Об этом знал только папа, дядя Коля». Очень многое рассказал Валик о дяде Коле. Нам открылась другая сторона его, казалось бы, монолитного характера. И ему, оказывается, были ведомы сомнения и колебания. Но он не боялся говорить о них в присутствии сына. С какой гордостью и нежностью говорит Валик об отце! Как дорожит он своим родом! Затем Валик поведал о том, как он учился в политехе и его курс был, по сути, первым выпуском компьютерщиков Киева. Всё это рассказывается интересно и увлекательно. Между тем, мы вспоминаем и наши годы, прожитые вместе на Дальнем Востоке и в Житомире. И тут смех не умолкает. Валик вспоминает мои «концерты», когда мама уходила в Дом офицеров. Я припоминаю, как убегал от поросёнка, а мама говорила: «Вижу, несутся по полю два поросёнка. Один из них мой». Потом приходит моя очередь «покаяться» за то, что мы оставили Валика без музыкального инструмента. Он создал джаз-оркестр в Житомире, а мы с Ниной взяли без спроса детские погремушки. Оказалось — это его маракасы! Мы оба тепло вспоминаем Ниночку, нашу Нинчу. Мы оба выговариваемся, и мудрый Валик говорит слова, цену которым я понимаю только сейчас: «Нас осталось очень мало, Сашка!» Ты прав, дорогой Валечка, ох, как ты прав! Но, мы ещё есть друг у друга. Не зря же ты зовёшь меня Санчо. Я был и остаюсь тебе предан, как тот славный толстяк своему храброму рыцарю печального образа. И это наследство я обязан передать своим детям.

Незаметно подступает вечер, через несколько часов наступит ночь, и мы тронемся в путь. Перед поездкой всем надо выспаться, особенно ребятам, им надо вести машину. Да и Галя без сна никак не может. А я как и в первый вечер не могу заснуть. В памяти всплывает неожиданно поездка в Одессу в 63-м году с дядей Колей, тётёй Броней, Ниночкой и мамой. Меня сажали рядом с водителем, я всю ночь не спал сам и дяде Коле не давал. Вот и сейчас, разве я ради сна откажусь от возможности поговорить с родными людьми. К своему стыду, очень мало написано о жене Валика — мудрой красивой Славе, уступившей нам своего Хонина (так она его в шутку называла в тот вечер). Она понимает, что это только сегодня. Валик сам говорил нам о том, что она для него значит! «Главное, что наши!» — вспоминаю я слова Диночки, сказанные ею два дня назад в Житомире, и мы смотрим на Славочку благодарными глазами Валика. Очень тепло простились с Маричкой, которая специально осталась с нами, а теперь уезжала. Она оставила нам записку с сердечком. Мы, родители двух парней, не привыкли к этому и тронуты до глубины души. Валик приглашает меня в кабинет, чтобы поговорить со мною, что называется, дать в дорогу напутствие, но ловит мой взгляд и без раздумий отдаёт мне свою книгу Акунина «Сокол и ласточка». Я слабо сопротивляюсь и слышу знакомое с детства: «Прекрати, Сашка!». Воистину, Валик так и остался прежним, как на Дальнем Востоке! По счастью у него ещё остались несколько экземпляров сборника его собственных стихов. Один из них я подарил позже своему коллеге: умнице, эрудиту, талантливому музыканту и знатоку английского языка Юре Белову. Он, оказывается, знал и помнил Валика по работе в Йемене. Мы бы ещё говорили и не наговорились, но пора ехать. Как писал мой любимый Максим Богданович: «Мощна кахаў я цябе, дарагая, Але расстацца нам час». И мы едем в неоднократно и справедливо прославленную, воспетую в стихах, песнях и отображённую на полотнах, дивную украинскую ночь. Пока ещё духота не мешает нам, мы обсуждаем, как пересечём границу обратно. Говорить о чём-то другом трудно, мы слишком переполнены впечатлениями. Под утро я включаю диск Джанго Рейнхарда (это был последний подарок Валика), послушав несколько треков, единодушно даём ему «передышку». Мажорная музыка великого гитариста не соответствовала моменту, у всех было над чем подумать, поразмышлять. Извини, Джанго, приедем-дослушаем.

Как и тогда, сейчас видится мне, что во время поездки мне посчастливилось прикоснуться к родной земле, к моим корням, увидеть самых дорогих людей, и теперь, как Антей, я

набрался новых сил, а на душе мирно и покойно. Можно возвращаться. Ещё одно чувство переполняет меня — это благодарность Гале, Антоше и Сергуне, которые сделали мне этот незабываемый подарок. Жаль только, не было с нами моих милых мамы и папы...

Перед тем как написать эти строки, произошло одно маленькое чудо. Раздался звонок, и я увидел код Украины! Звонил Валик, справлялся о наших делах. Я не выдержал и обмолвился, что пишу эти строки в надежде успеть к его юбилею. Вот теперь всё.

***P.S.:** Мне необходимо выказать одну важную мысль, точнее вывод, который мне не даёт покоя со вчерашнего дня. Я стал думать, куда его поместить? В предисловии к первой части все мысли уже достаточно плотно «подогнаны», а в послесловии не вяжется с логикой изложения. И тогда я просто решил выделить её т. н. жирным шрифтом и курсивом. А мысль эта проста, на неё меня натолкнула вчера мама моей любимой невестки Машеньки. Эта славная женщина обладает редким даром слушать. Внимая моим рассказам о жизни в Германии и воспоминаниям о России, она воскликнула: «Послушайте, а ведь Вам в жизни везло на хороших людей!» Какая простая, но мудрая мысль! Читая мои записки, Вы найдёте много действующих лиц, людей всякого рода, в том числе и малосимпатичных. Но я смею заявить, что больше встречал хороших, добрых, чутких людей. И даже если подчас встречался с непониманием или «тумаками» судьбы (не хочу писать ударами), обижался сначала, то теперь стараюсь понять людей и не жить долго с обидой. Видимо, это было во мне с детства, но открыть это в себе помогла мне моя любимая, верящая в меня жена. А поэтому я хочу в этом пространным рассуждении поблагодарить всех добрых людей, ушедших от нас или живущих, которых мне, как я теперь понимаю, посылал в помощь Бог!*

Следующие главы будут посвящены жизни нашей семьи в начале 2000-х, точнее тому, как мы оказались в Германии...